

The background of the cover is a painting. It depicts a rugged, rocky coastline. In the foreground, there are large, textured rock formations in shades of grey, brown, and yellow. In the middle ground, a person wearing a white shirt and dark shorts stands on a rocky outcrop, looking out over a blue sea. The sky is a pale, overcast grey. The overall style is expressive and somewhat somber.

ДМИТРИЙ МОИСЕЕВ

БЕЗ ПРАВА НА ПРОШЛОЕ

ЧАСТЬ 1

Дмитрий Моисеев

Без права на прошлое. Часть 1

«Издательские решения»

Моисеев Д.

Без права на прошлое. Часть 1 / Д. Моисеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855903-7

Жизнь, полная пламени и яростной борьбы. Дни свершений, горечи и побед. Все познали они — гвардейцы Старого Императора. Все смогли преодолеть. Они победили, сдержали рвущий Империю Разлом. Но в час триумфа их наградили предательством. Рухнул привычный мир. Пеплом обернулись идеалы, истаяли и затерялись в прошлом. Но есть ли у Гвардии право на прошлое? Поможет ли разгадка его тайн дать преданным героям силу для шага в будущее?

ISBN 978-5-44-855903-7

© Моисеев Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Без права на прошлое

Часть 1

Дмитрий Моисеев

© Дмитрий Моисеев, 2017

ISBN 978-5-4485-5903-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– С этого дня Империя не нуждается в Гвардии, – еле слышно произнес Энцио II и отвернулся к аляповатому витражу. – Служба окончена. Вы свободны. И... *Путь к звездам открыт!*

Мозаичный зал Цитадели Гардана окутало молчание. Замерли зрители придворного спектакля, разинули рты и активно вспотели. Но тишина просуществовала лишь миг. За окнами завывали собаки. Янтарно-черный шмель ударился о дубовую столешницу и негодуяще загудел. Собиралась гроза.

Император распустил Гвардию!

Многие благородные фамилии прибыли сегодня в Цитадель, но такого зигзага событий не ожидал никто. Человек, ставший Императором по воле обстоятельств и своевременному вмешательству Гвардии, эту самую Гвардию распускает!

Аристократы не могли поверить, что Энцио Корво – трусоватый юноша с бледной кожей и тонкими пальцами, привычными к гусиному перу и чернильным кляксам, готов к неожиданным решениям. Страх посетил дворянские сердца, ужас от мысли, что эти чернильные пальцы способны сотворить с Гарданской Империей – государством-гигантом, чьи многоплеменные крылья-провинции распластались над половиной обитаемого мира. Тысячелетним монстром, вскормленным на кровавом молоке войн и междоусобиц. Безнадежно больным, пораженным всеми мыслимыми недугами цивилизации.

Шеф Императорских Щитоносцев – Джакомо Илирио по прозвищу Большерукий нервно сглотнул. Белоперчаточная ладонь Шефа непроизвольно упала на рукоять палаша. Тяжелая сабля с нежным именем Ляля прежде не изменяла старому любовнику. Она придавала уверенности, но Илирио надеялся, что булатная девчонка останется сегодня без ужина.

Джакомо мазнул взглядом по лицам подчиненных, секундно задержавшись на любимом внуке Чизаро.

«Готовы и подготовлены, – с гордостью подумал он. – Славные парни, воспитанные лучшими мастерами клинка. Жалко терять таких мужчин, но стоит Гвардейцам захотеть, и хоронить придется многих.»

Почувствовав состояние командира, Щитоносцы посерьезнели, подобрались. Брякнула сталь, чаще замолотили сердца. В глазах юнцов, лишь недавно облачившихся в красно-белые плащи, зажглись огоньки опасного веселья. В силу возраста молодежь воображала себя новорожденными близнецами Муаро – непобедимыми героями замшелого народного эпоса.

Илирио беззвучно выругался. Настанет день, и юноши простятся с иллюзией чемпионства. Об этом Шеф знал наверняка. За собственные иллюзии он уплатил немалую цену. Потерянные на Катарских холмах пальцы правой руки были наименьшей частью жестокой платы.

Чуть склонив выбеленную голову, Илирио взглянул на воинов Багряного хирда. Старшие Щитоносцы, ветераны множества битв, что годами доказывали право умирать за Императора. В недалеком прошлом Большерукий сам был офицером-хирдманом, но предательство Фергаро-Молчуна – предыдущего Шефа Щитоносцев – поставило Илирио во главе братьев по оружию.

«С этими порядок, – подумал он, смахивая с носа капельку пота. – Багряные способны на невозможное».

Анатоль-Мечелом, Кирпель из Арабая, Весельчак Некоро, барон Лидо... Джакомо гордился дружбой каждого. Знал, что Багряные не подведут. Эти бойцы – покрытые шрамами, сединой и морщинами, терявшие и знавшие цену потери, отлично понимали, *кто* стоит у подножия Хрустального трона. Эти – разумно опасались столкновения, но готовились к железной пляске. Битва давно стала солью их жизни, но и умереть ранее отмеренного судьбою Багряные не очень-то и стремились.

Мерно тикала реликвия царственной семьи – двухметровые часы «Древесная скала», столетия назад подаренная Императору Людовико III знаменитым часовщиком Тулио Гарро. Шкодливый ветер баловался с кружевными занавесками. Рыжее пламя свечей танцевало бесстыдно и дерзко, похожее на перепившую маркитантку.

Молчание. Духота.

Не поворачивая головы, Илирио разглядывал собравшихся аристократов. Зрелище пробуждало тошноту и походило на купание в заплесневелой болотной жиже. Джакомо едва не сплюнул, но сдержал неуместный порыв.

Более двух сотен человек собралось в Мозаичном зале Цитадели, но лишь двое казались спокойными: одетая в лиловый атлас, миниатюрная и хорошенькая императрица Жульета да Первый Советник Империи – хитроумный герцог Марко Фалль.

Их спокойствие не было для Большерукого секретом. Решение о роспуске Гвардии родилось в ходе беседы Императора и этой мармеладной парочки, чей пошлый роман обсуждался во всех уголках столицы. Неделю назад Шеф стал свидетелем одного разговора. Тайного для прочих, но разве могло что-либо утаиться от вездесущего Джакомо?! Лишь точная дата *прощания* да личность инициатора затеи оставались загадкой.

«Но разве важен автор подлости?» – подумал он тогда, прячась в пыльной духоте потаенного коридора.

Седовласый Шеф понимал: вне зависимости от обстоятельств и первоначальных причин, окончательное решение, а вместе с ним и исключительная ответственность лягут на худощавые плечи Императора. И на его совесть.

Джакомо познакомился с Энцио давно, во времена, когда тот и не помышлял о власти. Младший сын герцога Матоло Корво – двоюродного брата Императора Людовико X Старого считался двенадцатым претендентом на царствование. Паренек был наивен и чист, обезоруживающе добр и аполитичен, любил тишину, книги и пушистых котят. Он не желал власти над Гарданом и мечтал о карьере ученого, но вереница смертей прочих кандидатов проложила для Энцио дорогу к Хрустальному трону. Тяжеленная корона охватила его черноволосую голову жестким кольцом обязанностей и ограничений, расплющив мимоходом мечты о научных победах. Большерукий жалел паренька-книжника, но не мог утверждать, сохранилась ли совесть у хозяина короны.

Мысли Шефа возвратились к собравшимся – высокородным потомкам древней аристократии.

«Ждут и нервничают, – подумал он со злорадством. – Но чего ждут и почему нервничают? Да не все ли равно?! Изъеденные ленью, облитые праздностью трусы и негодяи! С их стороны не произойдет *ни-че-го!* Они так и будут стоять, ждать, нервничать. Будут прикидывать и размышлять, высчитывать, как происходящие перемены повлияют на сохранность их кошельков и владений. Только это важно! Это, а не Империя! Что им Тысячелетняя?! Нет им дела до славы Гардана, наплевать на его прошлое, будущее и настоящее! Но ведь так они поступают повсеместно, страшась ответственности за государственный хаос и решения, способные этот хаос остановить!»

Джакомо помянул ничтожных предков нынешнего дворянства и извращения, приведшие к рождению столь низкосортных людей. Низкосортных не по происхождению, но по сути.

«Элита и опора Империи, что похожа на перетрусивших пахарей или мастеровых! Что толку в гербах и громких девизах, в пыльных свершениях и полузабытых подвигах?! Аристократия выродилась, а никто и не заметил начала вырождения!»

Шеф осознавал: отпрыски древних фамилий с радостью ретировались бы из Мозаичного зала, однако побег означал конец придворной карьеры. По этой причине аристократы тихонько обливались потом и прикидывались мраморными статуями. Получалось неубедительно. Испуганные взгляды все норовили приклеиться к троице немолодых мужчин в потертой временем,

забрызганной бурой кровью и рыжей грязью форменной одежде. Форма выгорела, потеряла яркость и краски, но все равно несла отпечатки нежно-голубого, пурпурного и угольного.

Цвета Императорской Гвардии.

Молчание. Утробное рычание далекого грома. Духота.

Стыдись и едва не краснея, Джакомо взглянул на последних Гвардейцев.

«О чем думают сейчас эти неряшливые мужчины? Изгнанные герои, чьими деяниями спаслась Тысячелетняя Империя?»

Большерукий не находил ответ, но пустотелый, слизкий комок, нахально поселившийся в горле, настойчиво твердил, что он – умудренный и уважаемый Шеф Щитоносцев – участвует в мерзкой оперетте предательства...

***

А Гвардейцы стояли, не веря до конца в реальность услышанного. Ждали. Надеялись, что краткая речь юного Императора окажется жестокой шуткой злого и недальновидного человека.

Но Энцио II не шутил.

Молчание. Сиреневые росчерки молний. Скрип кожаных сапог и аромат свежих георгинов в вазонах. Портреты царственных предков, с укором вззирающие на нерадостного потомка.

Кашлял Илирио и звякала сталь, тикали часы и гудел шмель, но Гвардейцы не слышали ничего. Ждали. Молчали. Верили. Давали последний шанс человеку, имеющему право распоряжаться их судьбами.

Путь к звездам открыт!

Три слова, что обозначали черту между обязанностью и свободой. Свободой, смысл которой ускользал от потрепанной троицы.

Молчание. Аритмичный стук сотен сердец.

Император так и не повернулся, погрузившись в созерцание витража. Руки забытого мастера сложили кусочки в белого рыцаря на вымершем толстоногом звере. Рыцарь пронзал пикой красного ящера. Легенды гласили, что белый воин был полубогом и отцом Первого Императора. Годы спустя белый копьеносец и кровавый ящер стали гербом императорской фамилии Корво.

Долгое-долгое молчание. Первые капли дождя.

Спустя тонны вечности и океан бесконечных секунд старший из тройки Гвардейцев – Охотник по-армейски четко развернулся и без слов зашагал прочь. Изможденные спутники без промедления последовали за вожаком.

Дождь лил уже вовсю.

Джакомо шумно выдохнул, сбрасывая напряжение. Он радовался несостоявшемуся кровопролитию, но негодовал от яда несправедливости.

Некстати закололо сердце, и Большерукий с силой, почти продавив пластины панциря, прижал ладонь к левой стороне грудины. На душе было гадко и грязно, точно вглубь его существа запихали кусок свежего дерьма. Запихали с молчаливого согласия хозяина души...

– Бом-бом-бом! – заиграли вдруг часы Тулио Гарро.

И в этот же миг вспышка ослепительной боли разорвала мир. Не выдержало железное сердце моралиста! Лопнуло, заливая внутренности горячей волной. Джакомо с грохотом рухнул на мраморные плиты. Тьма приближалась быстро, но за миг до встречи с Обделенной Богиней Большерукий различил удаляющиеся спины троих последних Гвардейцев. Троих свободных, незнающих, что со свободой сотворить...

...Они ушли. Растаяли в холодном тумане белоснежные стены блистательного Гардана – столицы Тысячелетнего государства. Бесшумно закрылись Врата Позабывших Героев,

навсегда отгородив изгнанных Гвардейцев от внутренностей дворца, где в шелесте бархата и стали, отравленном вине и слащавом шепоте решалась судьба гбнущей Империи...

Глава 1

Квартал «Красных занавесок» по праву владел репутацией опаснейшего района Арабая. Пьяная поножовщина и убийства под заказ, дуэли из-за женщин и исковерканных представлений о долге, дружбе и чести. Подобные прелести в совокупности с разбоями и кражами, тяжкими повреждениями, изнасилованиями и грабежами давно превратились в визитную карточку обиталища преступников и шлюх.

Впрочем, Арабай – столичный город богатой провинции Улар – никогда не отличался спокойствием, исполняя роль хулигана в ряду воспитанных провинциальных столиц. Отделяясь или бунтуя, скрывая налоги или добиваясь демократических свобод... Арабай из века в век нервировал высокомерных повелителей Гардана. Не раз и не два безмолвные отряды Карателей Гарда приводили в чувства гордых оружейников и мускулистых кузнецов, хитроумных купцов и многочисленную голодную чернь. Отблески пожаров окрашивали кармином древние стены, кровь струилась меж булыжниками мостовых. Торчали над воротами засмоленные головы зачинщиков, танцевали на веревках крикливые активисты. Город стонал и склонялся, но приходил в чувства. Работал до изнеможения и пил до беспамятства. Проходило время, и арабайцев посещал новый выверт сознания.

Жесткий и резкий Арабай не терпел неженков, презирал трусов и слабаков. Он весь: от Рудничных Ворот на северной границе и Речных на южной, от восточных – Караванных и западных Бродяжьих, состоял из враждующих друг с другом лоскутов-районов. Так повелось издревле, и время оказалось бессильно что-либо изменить. Однако, квартал «Занавесок», зажатый с трех сторон Портовой набережной, Четвертым проспектом Наковальни и воняющей смертью Ареной Грома, перещеголял по уровню опасности прочие городские образования.

Одинокая дама, вдруг возжелавшая насильственных утех. Чокнутый самоубийца, приевшийся радостями жизни. Пожилой купец, отягощенный грузом монет. Каждый из них мог обнаружить искомое, едва голос «Бычьего Яйца» – большого городского колокола – оповещал горожан о десяти вечерних часах. После десятка длинных «бычьих ревов» Солнечная стража покидала границы «Красных занавесок», а Лунная стража обходила стороной его тупички, подворотни и улочки, утопающие во мраке, испражнениях и грязи.

Охотник любил бродить по ночным «Занавескам». Любил омерзительные запахи и мусор, крики дерущихся котов и писк красноглазых крыс. Любил песни пьяных подмастерьев и смех разнузданных путан. Любил шуршание отточенной стали, тени редких огней, ругань, стоны, топот и гулкое эхо, бьющееся о стены каменных лабиринтов.

Охотник наслаждался происходящим. Ежеминутный риск до предела обострял чувства, порядком разболтавшиеся за годы вынужденного простоя. На кончиках пальцев зудели приятные мурашки. Здесь он ощущал себя живым. Могучим и сильным. Здесь он обретал свободу, хотя и не понимал данного определения.

Жаль, местные жулики-душегубы давно усвоили правило: с высоким стариком в длинном плаще-хамелеоне опасно вступать во враждебные дискуссии. Благо, кроме арабайской преступной братии оставались непосвященные бандиты-гастролеры. С этими получалось поразвлекаться. Редко. Охотник сам был гастролером, навеваясь в городские пределы не чаще двух-трех раз за год.

Колокол гудел. Басовитый рев металлического зверя ложился на Арабай плотным покрывалом шума, отправлял тружеников на заслуженный отдых и пробуждал далеких от трудов порочных обитателей ночи.

Охотник наслаждался бронзовым рыком, возвращавшим старика в яркие дни битв, медово-тягучие часы предбоевого томления и сумасшедшие минуты, секунды безудержной резни, что растягивались, порой, в кошачьем прыжке бесконечности. Колокол будил воспоминания

нения, заваленные десятилетиями пустоты. Пустоты привычной, но с которой до конца он так и не свыкся.

Ревущее четырежды в сутки «Яйцо» висело в центре Восьмигранной площади, на высочайшей башне Арабая, прозываемой жителями Шпилем.

Некогда на Шпиле обитал Марко Чароед – знаменитый на всю Империю шарлатан и фокусник, выдававший себя за последнего гарданского колдуна. Колдуна фальшивого, но изобретательного и красноречивого. Рассказни помогли пройдохе получить от Городского совета право на шикарное жилище в дополнение к ежемесячной плате за охрану периметра Арабая от враждебных посягательств. В мирные годы Чароед успешно справлялся с обязанностями, но настали времена, названные летописцами *Разломом*...

***

Война поселилась на просторах Империи. Гражданская война.

Закованные в железо армии топтали грязь и пыль разбитых дорог. Брат сражался с братом, сыновья предавали отцов. Добрые дядюшки рубили головы племянникам, слизывая родную кровь с перепачканных мозгами топорищ. Горели княжества, герцогства и провинции. Стирались в труху города и поселки. Залепанные пеплом небеса застилали дым и гарь. Плакали статуи, рыдали святыни. Десятки тысяч людей прощались с прелестями солнечного мира, проклиная богов и их земные воплощения...

Рухнули и врата Арабая. Пали величественные стены града мастеров-оружейников. Рассыпались серым месивом обломков, раздробленные валунами катапульта и скорпионов, залитые черным огнем и кровью мужественных защитников.

Пройдоха Чароед правильно оценил ситуацию. Наплевал на договор и заперся на Шпиле в надежде переждать штурм и вторжение. Фокус удался, и жулик оказался в числе выживших счастливиц. Но скоротечно трусливое счастье! Неделю спустя авангард Старого Императора под началом Командора Гвардии – неумолимого Лидера разбил неприятеля и вернул Арабай в ожерелье имперских городов. Начались обыски, допросы и расследования. Донесли и о предателе-колдуне. Армейские сыскари действовали оперативно. Без лишних церемоний двери Шпиля взломали, а прятавшегося на верхушке Чароеда отыскивали, качественно избили, связали и представили перед военным трибуналом.

Судебное разбирательство заняло пять минут. Беспристрастный Лидер огласил приговор, и плачущего прохвоста сожгли на медленном огне, под грозное молчание израненных ветеранов и улюлюканье злорадствующей черни.

Охотник присутствовал в тот день на площади. Он помнил вопли фальшивого магика, но не испытывал жалости к предателю.

Десятилетия длилась война, переродившись из гражданской в противостояние с агрессивными соседями. Арабайский Шпиль, попав в категорию «нехороших» мест, пустовал. Лишь недавно, лет десять назад, Городской совет решил на реформу и водрузил на вершине башни великанский колокол – дар города-побратима Элкстрима.

С того памятного дня «Бычье Яйцо» превратилось в городскую достопримечательность наряду с янтарным Фонтаном Семи Дев, Метеоритным Молотом первого арабайского кузнеца Барры-Исполина и бродячим призраком спятившего актера Жуля Кужука...

***

Охотник резко остановился. Жилистые руки поудобнее перехватили посох, окованный широкими металлическими кольцами. Другого оружия старик не имел, да оно и не требовалось. Внутренности посоха скрывали сорокасантиметровое жало из высокопрочной элкстрим-

ской стали. Не единожды оно доказывало состоятельность в качестве убийственного аргумента. Заморозив дыхание, Охотник прислушался к звукам улицы. Тихо, как в заброшенном кабаке. На всякий случай он сосчитал до тридцати и лишь затем расслабился.

«Все спокойно, – проплыла вялая мысль. – Просто показалось».

Носком сапога он пнул особо наглую крысу, улыбнулся возмущенному визгу. Пальцы пробежали по металлическим полоскам на теле посоха, нажали малозаметную педаль. Скрежетнуло. Четырехгранное жало спряталось в деревянное брюшко. Охотник задрал голову, взглянул на редкие звезды, прячущиеся в разрывах черных облаков. Высморкался и двинулся к цели ночной прогулки мягким шагом человека, способного подкрасться к степной газели и не потревожить тонкую психику криворогой дамы. Окованное навершие постукивало по камням. Лапки прохладного воздуха прикасались к коже. Воняло мусором и грустью.

***

«Сладкие цыпочки», старейший арабайский бордель, никогда не создавали из своего месторасположения тайны. За полтора квартала до приземистого строения из грубого камня Охотник разобрал низкий гул музыкального квинтета. Приблизившись на сотню шагов, учуял пряный запах кухни. Подойдя к парадному крыльцу, наткнулся на безобразно пьяного мужика, свесившегося с перил и сосредоточено блюющего.

Охотник пренебрежительно глянул на пьяницу. Оперся на посох, привычно полюбовался на вывеску, украшенную портретом красотки с шарообразными грудями.

«Самые шикарные сиськи Арабая! Только у нас! Предложение ограничено!» – гласила завлекающая надпись.

Время от времени письмена менялись, но сохраняли суть. Авторство картины приписывали Гугию Па – эксцентричному художнику и знатоку женской груди. Знаток прекрасного Гугий годы назад почил от дурной болезни. Имя натурщицы история не сохранила.

Охотник вздохнул. Стараясь не залезть в блевотную лужу, поднялся по ступеням и, задержавшись на миг, переступил порог знакомого до боли заведения.

Дребезжащий свет факелов, жужжащий гул голосов. Эротические полотна на стенах, чахлые пальмы в клепанных кадках. Хрусталь, красное дерево, лепнина. Грохот музыки, грубый смех, девичий визг, чмокание поцелуев и смачные шлепки по голому телу. Пахло жареным на углях мясом, подгоревшим луком, гвоздикой, шафраном и острым перцем. Пахло пролитым вином, душистыми маслами, опиумом и гашишем. Пахло похотью и продажной любовью.

«Цыпочки» не менялись, навечно застряв в складках мятого плаща Повелителя Времени. Они не зависели от политического курса и религиозных норм, они игнорировали войны, биржевые курсы и выверты власть предержащих. Они были всегда и намеревались существовать вечно. Спрос на любовь никогда не ослабевал. Профессия и происхождение клиента не принимались во внимание. Дворяне и крестьяне, солдаты и ученые, духовники и ремесленники, чиновники и наемники... Каждый становился в «Цыпочках» желанным гостем. При условии, что в карманах посетителя позвякивало золото или серебро. Бордель не отличался дешевизной. Охотник некогда и сам хаживал сюда в качестве клиента, и ни одна девушка не могла пожаловаться на скупость молчаливого Гвардейца в длинном плаще-хамелеоне.

Старик вздохнул. Вышло жалко, но обстоятельство Охотника не расстроило. Он свыкся с потоком уходящих лет. Давно миновали времена, когда женщины заглядывались на его чеканный профиль, смущались под прицелом желтовато-зеленых глаз и таяли в крепких руках, обвитых толстыми жилами. Сегодня он не искал ласки. Охотник разыскивал друга, что никогда ему другом не был...

***

Из Гвардии Старого Императора в живых осталось трое: Шарманичик, Игрок и он – Охотник. Три колючих осколка кровавого прошлого, что цеплялись за ненужную жизнь обломанными гранями погибающего существа. Три победителя, познавшие вкус поражения. Три идеальных исполнителя невозможных задач. Три свободных человека, тяготящиеся своей свободой.

Давно умер Император Людовико X по прозвищу Старый. Давно умер сменивший его на троне Энцио II по прозвищу Ученый, и сын Ученого – Энцио III Задиристый. Давно потускнела сама Империя, одну за другой, словно жемчужное ожерелье разноцветные перловицы, теряя города и провинции.

Сорок девять лет назад завершилась их война, их Разлом, а Гвардейцы все еще жили! Видели происходящее, чувствовали его отравленные прикосновения. Их сердца наполнялись тоской, а души злостью. Они бездействовали и корили себя за бездействие. Думали о смерти, но Обделенная Богиня избегала общества бывших Императорских Гвардейцев...

***

– Вот те на, шайтановы слезы! – раздался хриплый голос немолодой женщины. – Или я вконец обезумела, или провидение затащило в мой пансион занимательнейшую личность! Сам Охотник собственной персоной! Страшно представить, чем мы, скромные лекари возбужденной плоти, заслужили оказанную честь!

Знакомый голос бухнул по ушам, выволок старика из пыльных архивов памяти. Охотник инстинктивно укрылся за разлапистым цветком с мясистой листвой, огляделся. Взгляд моментально прикипел к огромной, неумолимо приближающейся фигуре в крепдешинном платье цвета сливок. Бегемотоподобная, декольтированная сверх меры фигура бесцеремонно расталкивала гостей, извергаясь на робкие протесты потоками брани. При каждом ее шаге слышался звон. Бряцали драгоценности, которыми фигура увешалась точно жрица какого-нибудь варварского племени. По приблизительным подсчетам стоимость украшений равнялась цене наемного кавалерийского полка. Или двух полков пеших латников.

Охотник поморщился. Имя вояжирующей дамы было ему хорошо знакомо. Стелла Ларнэ или, попросту, Толстая Стелла – бывшая куртизанка и первая красotka Улара, а ныне – полноправная владелица «Сладких цыпочек». Любовница прославленного маршала Империи – графа Алесандро Чирроке, прозванного за молниеносность решений Черным Соколом. Единственная дочь Амели Ларнэ – опытной гетеры и фаворитки самого Охотника. Много лет назад ему показалось, что между Амели и ним существует *настоящее чувство*. Настоящее чувство оказалось ложью, и, хотя в те злые времена ложью оказалось слишком многое, именно эта ложь принесла сильнейшую боль. Стелла давно не нуждалась в деньгах (слухи утверждали, что Маршал обделил законную супругу и свое немалое состояние передал в распоряжение куртизанки). «Цыпочки» же приобрела в порыве ностальгических чувств. В этих стенах работали ее мать и бабка. Здесь же начинался постельный бой самой Стеллы.

Охотник витиевато выругался. Он не был рад встрече, будившей не самые приятные воспоминания. Охотник искренне не понимал граждан, утверждавших, будто бы с годами память воскрешает исключительно хорошие моменты, а плохие выбрасывает к шайтановой бабушке. Как бы не так! Может он озлобленный циник или извращенец, но его память почему-то помнила больше плохого.

Толстые руки Стеллы легли на плечи, прижали к огромной груди. От женщины пахло медом и мятой.

– Здравствуй, милая, – он высвободился из капкана объятий и улыбнулся, хотя улыбаться совершенно не хотелось. – Рад видеть тебя в добром здравии. Все хорошеешь, да и весу поубавила. На диету уселась?

– Здравствуй-здравствуй, дядюшка Ох! – рассмеялась бордель-маман, подставила для поцелуя напудренную щеку. – С моим задом только на диетах и сидеть! Раздавлю и не замечу! С нашей последней встречи лет тридцать прошло, не меньше, а ты как был неуклюж в комплиментах, так и остался!

«Поздно учиться галантностям, – подумал Охотник, – Вот Любовник владел этим даром в совершенстве».

Воспоминание о погибшем брате-гвардейце моментально углубило морщины стариковского лба.

Охотник попытался скомкать общение, но опоздал. Повинуясь хозяйской команде, для них уже очистили уединенный столик, подальше от шумной сцены и танцевального пятачка. В это самое время низенький мужичок исполнял посреди пятачка дерганые танцевальные па. Две симпатичные шлюшки, черненькая и беленькая, подбадривали танцора криками и болтающимися грудями. Пьяный до безобразия мужчина едва ли ощущал поддержку, но старался вовсю.

Смахивающая на окорок рука хозяйки приобняла, подвела к столу. Охотник вздохнул. Без приглашения сел на мягкий стул с высокой спинкой, вытянул ноги. Стелла, кряхтя и некрасиво ругаясь, втиснулась в широкое, золотисто-полосатое кресло, изготовленное по индивидуальному заказу и учитывающее ее выдающиеся размеры. На узорчатой скатерти моментально возникла пара кувшинов из радужного стекла. Задымилась крупная ломти жареной телятины, изумительно запахло белым хлебом и соленым, ноздреватым сыром.

Охотник ухмыльнулся. Столько лет прошло, а Стелла помнила невзыскательные вкусы маменькиного любовника. На душе потеплело, но теплота тут же растворилась в холоде оледеневшего сердца. Слишком многое оказалось бывшим. Слишком многие заблудились в прошлом, оставив после себя силуэты и шрамы.

Конопатая девчужка в короткой юбочке и кружевном чепце сноровисто наполнила бокалы. Охотник поблагодарил конопатую и был награжден прелестной улыбкой. Он улыбнулся в ответ, немного жалея, что амурные дела выпадают сегодня из списка мероприятий.

Вино оказалось темно-красным и тягучим, что Охотнику определенно нравилось. Пахло оно солнцем и летом.

– За встречу! – предложила Стелла банальное, он поддержал тост.

Бокалы соприкоснулись. Выпили. Во рту расплзлось вязкое, мягкое тепло. С удивлением Охотник понял, что пьет коллекционный «Закатный лик». Выдержанное, ароматное, богатое. Истинно благородная кровь солнечных ягод из знаменитых на всю Империю касдарских виноградников! Лета в его вкусе было предостаточно. Лет, впрочем, не меньше. Стелла не поскупилась, что наводило на мысль: «Случайна ли ненужная встреча?»

Он отогнал размышления о человеческой корысти. Отставил кубок и с наслаждением вонзился в сочное мясо.

Бордель-маман изучала гостя из-под полуприкрытых ресниц, поигрывала ниткой черного жемчуга. В дальнем конце залы раздавались крики. Смеялась хмельная женщина. Звенела бьющаяся посуда. «Цыпочки» веселились. Их не интересовали сомнения уставшего старика.

– Скажи мне, дядюшка Охотник, – промурлыкала Стелла наконец. – Зачем ты сюда явился?

– Соскучился, – ответил он, продолжая жевать.

– Даже так?! – она притворно изумилась. – Заскучал после пары десятилетий и заскочил пропустить бокальчик в старушечьей компании? За дуру меня держишь?!

Охотник невинно глянул на хозяйку.

– Не к лицу тебе грубость, милая. Я действительно вспоминал. Чаше, чем мне того хотелось. Кроме прочего я уже не молод, а старики становятся сентиментальны...

Стелла фыркнула.

– Сентиментальных стариков я навидалась по самое небалуй, но какое отношение имеешь к ним ты?! Я знаю тебя и помню, как моя взбалмошная родительница с тобой поступила!

Охотник напрягся, но внешне остался спокоен.

– Предательство твоей мамочки я давно забыл, и к тебе оно отношения не имеет. Ты из числа немногих, кто пользовался и по-прежнему пользуется моей благосклонностью. вспомни, кто пеленал твою голенькую попку? Пел колыбельные и укладывал в кроватку? Ну и вредной ты была малявкой! Плакала, капризничала, мешала нашему с мамочкой уединению, да упокоят боги ее чистую душу.

– Да упокоят ее чистую душу..., – повторила Стелла задумчиво. – Я никогда не забуду тот буйволиный рев, что ты называешь песенками. А попка у меня уже не та. Пообносились попка, да и все остальное – пообносилось.

Она рассмеялась, но в смехе звучала тоска. Под слоями румян и пудры пряталось лицо, знакомое с прикосновениями времени.

«Сколько ей сейчас? – без интереса подумал Охотник. – Около семидесяти или больше?»

Он не знал точных цифр, но и не стремился к познанию. Слишком неправдоподобным получался расчет. О собственном возрасте он предпочитал вовсе не думать.

Общество толстухи не доставляло радости. Раздражало скорей. Что бы он не говорил, а Стелла напоминала об Амели и *настоящем чувстве*, оказавшемся ложью. Ложь он презирал. Часто в ущерб собственной выгоде.

Стелла приложила к бокалу. Пунцовая помада на пухлых губах заблестела сильнее. Густо накрашенные глаза следили внимательно и настороженно. Охотник делал вид, что поглощен телятиной. Делать вид не составляло труда. Мясо готовил мастер. Квинтет заиграл любовный романс «Приди и возьми меня нежно...». Мелодия нравилась, и старик впервые пожалел, что сидит вдали от сцены.

– Дядюшка Ох?

– Да? – промычал он с набитым ртом.

– Не сочти за подозрение, я лишь любопытствую. Отбрасывая ностальгическую версию, ответь, зачем ты пришел? – Стелла крутанула ожерелье. – За мясом жаренным или мясом женским? Или ты здесь из-за *последних событий*?

«Началось, – подумал Охотник, продолжая сосредоточено жевать. – Интересно, в какую историю я невольно вляпался?»

Стелла ждала, покачивала бокал. В ее толстых пальцах талия кубка выглядела пошло-стью.

Охотник промокнул губы салфеткой, деликатно отрыгнул и изобразил на лице улыбку.

– Не за тем и не за другим, но передай повару мое искреннее восхищение. А насчет последних событий... Не представляю, о чем речь.

– Так..., – начала Стелла, но умолкла. К столику подбежал запыхавшийся мальчишка-паж. Привстал на цыпочки, что-то зашептал в хозяйское ухо. Толстуха скривилась, отвесила пацану подзатыльник. Мальчишка пискнул и удрал.

С грохотом распахнулась центральная дверь. В бордель, крича, гогоча и толкаясь, ввалилась ватага парней в серых студенческих одеждах. Тот, который шел первым, розовощекий и свеженький, прихрамывая, подскочил к рыжеволосой метиске и сноровисто ущипнул за круглый задок. Рыжая пискнула и отвесила наглецу шуточную пощечину. Не прошло и минуты, как «Цыпочки» поглотили новичков.

Старики молчали. Охотник складывал фигурки из зубочисток. Ждал. Стелла разглядывала ухоженные ногти. Хмурилась, оглядывалась по сторонам.

– Начинай, дорогая, – проворчал он наконец. – Эти... *последние события*. Не стесняйся, рассказывай.

– Сначала скажи, почему ты приперся именно сегодня, – усмехнулась бордель-маман. – Свою наивность я потеряла вместе с невинностью, а ее я лишилась ой как давно. В совпадения я не верю, а значит, ты в игре.

Охотник скривился.

– Я стар для игр, Стелла. Извини за прямоту, но и ты тоже. Я не в восторге от «Цыпочек», но обстоятельства личного характера вынудили меня, как ты изволила выразиться, припереться. Мне нужен Шарманщик. Люди говорят, что по вторникам и субботам он поет в твоём заведении. Сегодня вторник, но я не имею удовольствия слышать его знаменитого на всю Империю голоса.

– И что за люди поделились с тобой? – толстуха подхватила кувшин. В момент разлития руки ее заметно дрожали. Лужица солнечного напитка растеклась по скатерти похожим на кровь пятном. Вновь запахло летом.

– Разные люди, Стелла. Да пойми ты, я не знаю ни о каких *последних событиях*, а играть умею лишь в кости и карты. Я давно не интересуюсь делами. Давно вообще ничем не интересуюсь! Живу в глухомани, в Дикой Степи. Промышляю зверье, редкие корешки собираю и травы. Гербарист я, цветовод и зверолов. Людей встречаю раз в полгода, а то и реже. В Арабай меня привели личные обстоятельства. Не хочу обременять тебя подробностями, они скучны и незначительны. Повторяю, мне нужен Шарманщик. Для разговора, по результатам которого я завтра же покину город. Один или вместе с ним.

– Помнится, вы никогда не были друзьями. Зачем тебе вдруг понадобилась компания Певца Слез?

– Кого-кого?

– Певца Слез. Мои девочки так называют Шарманщика.

– Дурацкое прозвище.

– Какое заслужил! Как еще называть жалующийся на жизнь бурдюк с винищем?! Часто я спрашиваю, почему до сих пор не прогнала пьянчугу? Спору нет, певец он гениальный. Его баллады превосходны, но они не для борделя. У нас, что надо? Веселенькие тексты, легкий мотивчик о счастье, радости и прочих тра-ля-ля. На худой конец, что-то геройское, о всяких драчках, войнах и прочем мордобитии. Не знаю почему, но у мужиков от упоминания кровищи лучше работают их агрегаты. Не важно, худые или толстые...

Охотник положил подбородок на ладони и притворился, что слушает измышления Стеллы о воздействии музыкальных стилей на мужские агрегаты. Сам же осматривал главную залу «Цыпочек».

На первый взгляд происходящее не содержало ничего необычного. Все, как всегда: шумно, дымно и весело. Гремела музыка, лилось вино, поедалось мясо. Скользили меж столов полуголые прислужницы, следили за порядком хмурые здоровяки-вышибалы. Клиенты щупали девичьи прелести, девочки хихикали и тянули монеты из кошель сласлолюбцев. Все, как всегда, но тренированный глаз моментально усмотрел нечто, выпадающее из фантазмагории бордельного бытия. Нечто приняло форму троих серьезных мужчин в кожаных рубахах и при коротких мечях, удобных для комнатного боя. Кожаные парни казались трезвыми, а под рубахами у них просматривались плотные кольчужные сетки. Троица тоскливо поглядывала на веселящихся куртизанок и качающиеся грудки прислужниц, но ни к тем ни к другим приставать не пыталась. Парни крутились около неприметной двери, прикрытой от назойливых взглядов шкурой снежного медведя. Если Охотнику не изменяла память, за дверью находился один из пяти «кабинетов уединения». Спокойных мест для персон, отягощенных делами, стеснением и золотом.

«Может все переменялось? Бордель могли перестраивать, а приват-кабинеты – перекинуть в другие помещения...»

– Ты меня слушаешь, старик?! – голос Стеллы звенел злостью и страхом.

Охотник виновато потупился.

– Извини, дорогая, задумался. Продолжай, пожалуйста. Что там с худыми и толстыми? Стелла недовольно засопела.

– Какие, к шайтану, худые и толстые?! Ты явился именно сегодня! И не случайно. Для чего тебе Шарманщик?! Говори немедленно или выматывайся! – она явно не шутила. – Знаю, что моя безмозглая охрана не в состоянии вышвырнуть твою тощую задницу, но я надеюсь на порядочность Гвардейца! Ты ведь помнишь, что такое порядочность?! Говори или убирайся! Хотя... Стоп! Я все поняла! Зачем ты согласился?! Как ты мог, Охотник?! Прийти именно сегодня! Сколько монет тебе отвалили за жизнь собственного брата?!

– Сдурела, дорогуша?! – от нелепого обвинения у Охотника отвисла челюсть. – Ты о чем болтаешь?! Я подрядился на убийство Шарма?! У тебя проблемы с головой?!

Стелла, до того сгорбившаяся, расплывшаяся в кресле огромной медузой, резко откинулась на спинку. Огромные груди колыхнулись.

– Я неправа?! – глаза бывшей куртизанки горели решимостью загнанной крысы. – Хочешь сказать, я ошибаюсь?!

– Не хочу, а уже сказал! Надо же такое придумать! Убить Шарманщика да еще и за деньги! Эх, дорогуша! Не представляю, что за гадость ты употребляешь, но настойчиво рекомендую прекратить. Она сведет тебя с ума.

– В таком случае поклянись, Охотник! Поклянись, что не лжешь! Я помню, что для тебя значили клятвы! Ты всегда был правдив, за это тебя уважали, но не любили, – она почти умоляла. – Поклянись, Гвардеец!

«Я уже много лет не Гвардеец», – подумал он, но получилось по-другому.

– Клянусь! – от нелепости ситуации хотелось смеяться и грустить, но лицо оставалось непроницаемо. – Клянусь честью, что не обижу Шарма. Клянусь жизнью, что и другие, кем бы они ни оказались, не пострадают от моего вмешательства. Ни словом ни делом я не причиню вреда твоим гостям. Я сказал.

– Все-таки знаешь, – обреченно протянула Стелла. – Но почему, Охотник? Зачем эта ложь, зачем притворство?!

– Я не притворялся, – он смотрел на нее в упор. – Догадался. Несколько минут назад.

Стелла шумно выдохнула.

– Шарманщик сегодня не выступает. Он занят. Пьет и разговаривает об опасных вещах, но ведь содержание беседы тебя не привлекает?

В голосе Стеллы вибрировала надежда. Возле дверей зашумели. Вышибалы волокли упирающегося молодчика в розовых бриджах и канареечной сорочке навывпуск. Вокруг процессии кружила полуголая мамзелька юных лет и норвила пнуть молодчика стройной ножкой в беленьком чулочке. Молодчик плакал и просил охрану оставить его еще на часок. Вышибалы безмолвствовали. Охотник взял очередную зубочистку.

– Меня не интересует, с кем встречается Шарм, – он прикусил зубочистку. – Мне наплевать, в какое дерьмо он старается влезть. Я лишь хочу с ним поговорить. О личном.

Вновь подбежал мальчишка-паж. На этот раз шепот перемежался обильной жестикуляцией. Стелла выслушала пажонка, кивнула и отослала, обойдясь без подзатыльника.

– Тебе повезло, мой старый друг, – сказала она до того торжественно, что Охотнику захотелось сплюнуть. – Они хотят тебя видеть. Через двадцать минут.

Зубочистка переломилась с приятным хрустом. Одна половинка упала на пол, вторая в тарелку, к остаткам мяса и хлебным коркам. Охотник паскудно усмехнулся.

– погоди-погоди, дорогуша. А если я не хочу видеть их? Или подобное предположение твоими гостями исключается?

Стелла натужно рассмеялась.

– Извини, если я неправильно выразилась. Они *просят* о встрече. Как я понимаю, Шарманщик нужен тебе позарез, иначе ты вряд ли явился бы в мой пансион... Не возражай! – прикрикнула она, увидав на его лице протест. – Я знаю, ты не забыл и не простил матушкиной измены! Так вот, Шарм сейчас там, с ними. Встреться с моими гостями и болтай со своим Шарманщиком хоть до конца времен. Считай это маленькой просьбой. Платой за доверие, которое, между прочим, может отправить меня на эшафот.

– Трам-пам-пам, – Охотник забарабанил по столу. – Будь любезна, Стелла, скажи своим девочкам принести еще один кувшинчик вина. Идиотизм ситуации прямо заставляет меня напиток.

Не прошло и минуты, как пузатый кувшин присоединился к стариковской компании. Охотник ухватился за изогнутую ручку. Стелла подставила бокалы. Вновь запахло летом.

– Твои гости, кто они вообще такие? – он сделал большой глоток.

– Просто люди. Хорошие люди, достойные граждане и патриоты, что желают идти собственным путем. Которые этот путь знают...

Охотник едва не выронил кубок.

– Заговорщики и революционеры?! Здесь, в «Сладких цыпочках»?! – он от души рассмеялся. – Чудные дела творятся в подлунном мире! Скажи еще, что и девочки твои сейчас не трахаются ради денег, а выполняют ответственное задание, собирают средства ради справедливости и всеобщих свобод!

– Поверь, Охотник, это не повод козырять остроумием. Все очень серьезно. И опасно, – она облизала губы. – Я боюсь. Не за себя. Мне давно наплевать на личные проблемы. Дело затрагивает небезразличных мне людей.

– Разве такие существуют?

– Представь! – надулась толстуха. – Прошу тебя, не шути на эту тему. Я и правда боюсь.

Охотник через силу спрятал улыбку.

– Что за люди?

– Руководители Фронта Свободного Улара, – Стелла перешла на шепот, хотя этого и не требовалось. Время перевалило за полночь, и «Сладкие цыпочки» веселились в полный голос. – Сегодня они здесь ради Шарманщика. Все вместе. Тайно, как ты понимаешь, но у тайн есть неприятное свойство. Рано или поздно они раскрываются. Мне даже представить страшно, если о встрече прознают живодееры из Имперского Сыска...

Руки бордель-маман затряслись. Охотник наполнил бокалы. Выпили.

– Я их знаю, этих хороших людей, милых твоему нежному сердцу?

Толстуха на миг задумалась, покачала головой.

– Вряд ли, они из молодых, – она глубоко, словно бросаясь в омут, вздохнула. – Валиант Верра – мастер-кузнец Механической Гильдии Арабая. Командир Лунной стражи Дижон Заклевский и... Карлес Чирроке... внук, сын моего любимого Алексо...

Охотник вздрогнул. Рука непроизвольно скользнула под рубашку, почесала витиеватую литеру «Б», выжженную на солнечном сплетении. Удивительно, но Охотник не помнил, при каких обстоятельствах клеймили Гвардейцев. Обозначенная литера – пунцово-красная, выпуклая и гладкая на ощупь, имела у каждого. Во времена *Ловли* именно по клейму опознавали обезображенные трупы его братьев по оружию...

Жилистые пальцы старика застучали по столу, временами попадая в винное пятно. Стелла не сгущала краски и не преувеличивала опасности, а страх ее и нервозность имели достойную оправу.

После разрушительного хаоса Разлома, едва не ставшего концом Гарданской Империи, свободомыслящие радикалы, революционеры и прочие сторонники независимости превратились из неприятного атрибута смутных времен в первейших врагов государства. Подвыпивший пустозвон или философствующий мечтатель, неосторожный болтун или кропатель анти-

монархистских памфлетов... Позорная казнь ждала всякого подрывателя имперской целостности. Еще не остыла память о Лунном Братстве, еще помнили о Вольном Союзе Южных Городов... Имперский Сыск – коронная разведка и контрразведка, а также его полулегальная «дочка» – Служба Добровольный Дознавателей не жалели времени, сил и средств на выкорчевывание ростков вольнолюбия. Методы не имели значения. Предпочтение отдавалось результату. Подпитываемая кровью память нарушала сонное спокойствие всемогущих хозяев Гардана. Слишком дорого заплатили их предки за беспечность прошлого...

– Seriously, – сказал он наконец. – Первых двух не знаю, хотя мне доводилось встречать клинки с клеймом мастера Верра. Отличная сталь, во всей Империи едва ли больше трех кузниц способны конкурировать с арабайским мэтром. В отношении третьего... Как я понимаю, Алексо – твой старший сын от Алесандро Чирроке. Единственный бастард, которого Черный Сокол официально признал?

– Да, – кивнула Стелла. – Карлес – младший сын Алексо. От одной южанки из рода Шарлизов.

– Владетельные графы прибрежного Адлара?

– Да.

Охотник поскреб клеймо.

– Я знал графа Секста Шарлиза. Он храбро сражался в Кольвии, в битвах у Обороленного леса и Зеркального озера, а это, скажу, были серьезные потасовки. Встречал я его и позднее. В Элкстримском Побойще граф Шарлиз собственноручно зарубил шестерых Серебряных беретов из Лунного Братства, после чего прикончил Курама Зуля – третьего человека в иерархии этой проклятой организации. Курам был безумцем, безжалостным фанатиком и садистом, но и рубакой отменным. Барон Шарлиз умудрился поднять говнюка на копье. Да, Секст Шарлиз был хорошим воином и грамотным командиром. Смерть поцеловала графа в Карбакии. Степняки Шальной Девки – восставшей племянницы Старого Императора – утыкали бедолагу стрелами точно ежиную спину, – Охотник опрокинул в рот остатки вина. – Также я знал Мирано Шарлиза. Этот не...

– Секст был дедом Карлесовой матери, – прервала воспоминания Стелла.

– В таком случае могу поздравить твоего внука. В его жилах плещется добрая кровь.

Бордель-маман с укором глянула на собеседника, но смолчала. Музыканты заиграли «Мой сладенький мальчишка...» – сборник шутивно-эротических куплетов, с незапамятных времен считавшийся неофициальным гимном «Цыпочек». Шлюшки завизжали, захлопали в ладошки и принялись подпевать, поддерживаемые нестройным хором пьяных мужских голосов. Охотник с удивлением заметил, что Стелла, несмотря на волнение и страх, шепчет с детства знакомые слова.

«Интересно, пела ли куплетики Амели? – подумал он и в который раз наполнил бокалы. Голова приятно кружилась. Охотник с удивлением понял, что порядком надрался. Кажущаяся легкость «Закатного лика» обернулась обманом. Возникло невольное: «А не подмешан ли в вино наркотик?». Он старательно отогнал подозрения. Было попросту наплевать.

Песня оборвалась на ноте тоскливого минора. Музыканты получили положенные аплодисменты, подслащенные порцией обязательных поцелуйчиков. Вечер продолжался.

Охотник ждал обещанную встречу и пьянел все больше. Алкоголь баламутил глубокий колодец души. Звучали голоса. Сгорали годы, отданные на откуп печали. Призрачный силуэт надежды маячил на толстом стекле будущего. Перед глазами возникал образ странного человека. Загадочного незнакомца, недавняя встреча с которым принесла живую струю в затхлый воздух его внутреннего склепа. Единственная встреча, один разговор, но они заставили Охотника отправиться в путь. Встреча и разговор, что сплели в единый колючий клубок прошлое, настоящее и будущее... И он, старый, покрытый шрамами бесчувственный воин бросился, точно пустоголовый котенок, за этим цветастым клубком...

– Пора, – раздался издали голос Стеллы. – Пойдем, дядюшка Ох, тебя ждут.

Охотник мотнул головой, разгоняя алкогольную абстракцию. Сделал попытку встать, но вместо этого спросил:

– А для чего заговорщикам нужен Шарманщик?

– Все помнят о Песенной Битве, – прозвучало в ответ.

Два слова. Простых, знакомых, но упоминание о связанном с ними событии прошло внутренности не хуже отточенного стилета. Зашевелились шестеренки памяти, возвращая Охотника в один из давно потерянных дней...

***

Тревожное утро перед битвой у неторопливой реки Ены. Серое небо Илекарской области, стальная вода и пепельные лица изможденных воинов Первого Добровольческого Корпуса. Загнанные в ловушку, зажаты с трех сторон армиями западных агрессоров – Фарии, Нитланда и Ордена Полумесяца, голодные, обессиленные, израненные мужчины. Крестьяне, пахари, торговцы, студенты, ремесленники, мастера... Простые люди, вставшие на защиту родной земли!

Охотник помнил мазки отчаяния на лицах собравшихся. Помнил страх в помутневших глазах, помнил темный силуэт близкой Смерти. Они, рядовые граждане Гарданской Империи, откликнулись на зов Императора Людовико Старого. Они готовились умирать. Ведь победить, выстоять против профессиональных западных вояк, в пять раз превосходивших числом солдат-добровольцев, казалось выше человеческих сил.

«Бежать, спастись, прятаться!» – именно так думал каждый.

Охотник тоже стоял на берегах Ены. Он сам собирался умирать. Знал, что победа недостижима.

До начала пиришества боли оставался неполный час. Ветер трепал разноцветное море знамен. Гудели трубы, трещала барабанная дробь, хлестал отрывистый командирский лай. Словно спятившие птицы, завывали вольники. Уже выстраивались в прямоугольники и каре нитландские пикинеры, гарцевали на породистых вороных фариийские тяжелые кавалеристы, натягивали арбалеты незнающие промаха стрелки Ордена... Казалось, нет на земле силы, способной остановить непобедимую, спаянную в единый стальной кулак лавину западного воинства...

И тогда, аккуратно пробираясь сквозь напряженную толпу, обходя бивачные костры и отхожие ямы, на импровизированную сцену – перевернутый обозный фургон – вскарабкался Шарманщик. Он был без брони и шлема, в легкой рубашке, переливающейся всеми цветами радуги. Длинные и черные волосы трепал ветер. Нервные пальцы сжимали любимый инструмент – подаренную Императором позолоченную кобзу.

Шарманщик обвел взглядом собравшихся. Прокашлялся. Взял первые ноты и... запел.

О родном доме, где тебя помнят, любят и ждут. О тенистых рощах и мрачных лесах. О бескрайних полях златоглавой пшеницы и цветущих вишневым садах. О тяжелом труде, что приносит радость. О самой прекрасной девушке мира – твоей Любимой. О женицах – матерях, бабушках, сестрах... О детях – маленьких девочках и мальчиках, плаксах и шалопаях, но таких невозможно милых. Ведь они – твоя родная кровь... О легендарных героях, что некогда были простыми людьми, но обессмертили свое имя поступками. О том, что смерть – не самое страшное. О том, что важно. О том, что правильно. О жизни и свободе. О мужестве и любви. О долге и чести. О Родине...

Охотник видел, как расправляются пониженные плечи и разгибаются склоненные спины. Как свет наполняет выбеленные страхом глаза. Как кровь ускоряет бег, а руки сильнее сжимают оружие. Он чувствовал, как преображаются люди, собравшиеся у перевернутой телеги.

Слышал слаженное биение тысяч сердец, скрип обтягивающей скулы кожи. Слышал глухой рокот, что рождался в недрах истинной сути каждого.

Шарманицик пел. Кобза в тонких руках молила и приказывала, плакала и гневно кричала, утверждала и убеждала... Заставляла людей поверить в невозможное. Преображала души. Творила чудо.

И в тот момент, когда стальная волна западного воинства весело, предполагая легкую победу, с металлическим грохотом обрушилась на добровольцев, ее ожидал неприятный сюрприз.

Те необученные, неподготовленные, неумелые добровольцы превратились в истинных героев!

Охотник помнил, как худенький, голубоглазый студентик с копной ярко-рыжих волос и тонкими пальцами, задушил этими самыми пальцами огромного нитландского рыцаря. Эти тонкие пальцы будущего ученого разорвали пластинчатый воротник панциря, кольчугу, кожаную рубаху и переломали, раздавили рыцарский кадык. Смяли, словно гнилую грушу! Он помнил, как маленький, круглый толстячок, по всей видимости – ростовщик или меняла, в ржавой кольчуге и комичном шлеме-сковороде, дико завизжал и одним неуклюжим ударом разрубил от плеча до пояса могучего латника из Ордена Полумесяца, а затем подхватил с влажной земли здоровенный, облепленный мозгами шестопер и буквально оторвал голову гиганту-мечнику в бело-голубых цветах Королевства Фария. Помнил, как поднятый на пике широколицый доброволец придвинулся по окровавленным древкам к своим убийцам и размогзил друг о дружку стальные головы. Помнил, как светловолосый мальчишка (почти ребенок!) шел на шестерых орденских секироносцев и... смеялся. Обе его руки были отрублены по самые плечи, кровь хлестала фонтаном, а он шел, гордо выпрямив спину и смеясь! И орденцы, закаленные в боях ветераны, видевшие битв больше, чем этот мальчишка прожил весен, бросили оружие и побежали... Побежало все западное воинство! Панически, теряя оружие и знамена!

Охотник так и не смог понять, как эти пахари, торгаши и ремесленники – необученные, голодные, вооруженные чем попало, сломали, стоптали впятеро превосходящие силы неприятеля. Не понимал до сих пор.

Он лишь видел все это и помнил. А еще он помнил лицо Шарманицика, напоминавшего в тот миг бога. И этот бог пел! Не прерываясь ни на мгновение, не замечая летящих стрел, жужжащих арбалетных болтов и стальных шаров, пел на протяжении всего побоища. И даже не сорвал голос!

Западное вторжение заглохло, а битву впоследствии назвали Песенной...

Охотник помнил все. Помнил слишком многое, но еще большее он пытался забыть. Однако, не мог...

***

Он тяжело вздохнул. Людям необходимо во что-то верить. Во всемогущих родителей, которые обогреют, накормят и вытрут сопливые носы. В непогрешимых правителей, что выделяют место и прикажут, каким образом на этом месте жить. В лучезарных богов, которые наполнят жизнь смыслом, укажут цель и покажут путь. Или в чародейские артефакты, которые спасут от верной гибели на ступенях этого пути, помогут победить в безнадежной битве, в шаге от подаренной цели... Пускай даже эти артефакты помятые, морщинистые и пьяные.

– Каковы шансы на успех Уларского Фронта? – Охотник пристально посмотрел на Стеллу. – Я не ошибусь, сказав, что минимальные?

– Да, – просто ответила бордель-маман. – Мальчишки заигрались. В начале все складывалось гладко. Идеи, встречи, сторонники. Восторженные союзники, будущие должности и привилегии. Но кто-то сболтнул лишнего. Агенты Сыска заполонили Арабай. У статуй прореза-

лись глаза, у стен выросли уши. Ишейки не скупилась на награды... И понеслось! Один предал, другой продал. Мерзавцы любят звон монет, трусы боятся боли. Начали говорить. Побежали доносить. Рассказали все, что знали. Чего не знали – выдумали. Сеть стягивается, Охотник! На Валианта Верра три ночи назад покушались. Чудо, что он до сих пор жив! Получил кинжалом в спину, упал. Наемник наклонился, хотел убедиться в смерти. Верра задушил ассасина его же собственным шарфом. Шарфом из белоснежного зияльского шелка! Знаешь, кому нравятся такие шарфики?

– Ордену Чистоты, – кивнул Охотник, поморщился. – Профессиональным убийцам с побережья Зияльского залива.

– Понимаешь теперь, насколько подскочили ставки?! Имперский Сыск стремится к результатам. Не брезгует ничем, привлекает для красной работы платных душегубов! Заклевского вчера арестовали. Доставили в Серую Башню. Задавали вопросы. Пока что вежливо, без побоев и пыток. Отпустили с распоряжением не покидать город. Карлеса не трогали, но это вопрос времени! – Стелла с силой крутанула ожерелье. Жемчужины предостерегающе клацнули. – Но это еще не все. Достоверно известно, что в Улар форсированным маршем движется Северная Армия. Целая армия, Охотник, под командованием Рудольфо Мерри, герцога Леграно! Гениального юнца, что подавил прошлогодний мятеж корабельщиков в Восточной Усили. Сраный военный вундеркинд, которого за эту компанию Император Паоло наградил маршальским жезлом, а простой люд прозвищем Кровосос. Знаешь, чем малютка-герцог развлекался на привалах? Сажал плененных мятежников на зазубренные колья! Казнимого переворачивали вверх тормашками, а острие запихивали прямиком...

– Я понял, Стелла. – Охотник выставил руки. – Избавь меня от подробностей. В свое время я насмотрелся на подобные увеселения.

– Сегодня мне сообщили, что сыскари ждут именно прибытия Северной, – толстуха вновь понизила голос. – Как только солдаты Кровососа подойдут к городу, начнутся массовые аресты. И резня. А герцог Леграно амбициозен! И горд. Он не позволит шпионам похитить победу, присвоить лавры усмирителя бунтовщиков. Он введет войска в Арабай, а ты знаешь, во что превращается отданный на поругание город...

Стелла крутанула бусы. Жемчужная нить затрещала. Охотник скрестил ладони. Он помнил. Он видел и знал.

– Невеселые перспективы, – старик сжал правое запястье. – Остается непонятно, почему твои юные друзья до сих пор парят зады в Арабае, а не скачут что есть духу куда-нибудь подальше. За границу, в Фарию, Астур или Катарскую Федерацию. По-моему самое время.

– Не знаю, правда. Они тебе сами расскажут. Пойдем, мы и так задержались.

Стелла тяжело поднялась, взяла его за руку. Ладонь толстухи была горячей и липкой. Женщина нервно дрожала. Охотник легонько сдвинул кисть, улыбнулся. Стелла жалко улыбнулась в ответ.

Со сцены плыли аккорды популярного этим сезоном «Танца серебряных колокольчиков». Медленно кружили пары. Звучал смех, горели улыбки. Полыхали глаза. Стелла вела Охотника сквозь бриллиантовое море живых огней. Ловко обруливая танцующую молодежь, пьяную от вина и любви. Неважно, что вино разбавлялось водой, а за любовь платили монетой. В этот миг парочки купались в ее ласковых волнах. Парили над атласными облаками чувственности. Наслаждались сиюминутным полетом безграничного счастья. Словно бабочки, точно мотыльки...

Охотник с завистью смотрел на танцоров. Невольно вспомнилась эта же самая зала, но в старых, еще военных «Цыпочках». Вспомнилась девушка. Его Амели. Совсем молоденькая, милая до невероятности. Тогда она тоже танцевала. В паре с ним. Буйный водопад каштановых волос, щекочущий шею, щеки и нос. Короткое платье из лимонной органзы, обшитое мягкой бахромой. Едва различимые бугорки грудей, податливая гибкость юного тела. Нежные

руки с маленькими ладошками на сутулых плечах мрачного Гвардейца. Заразительная смешинка в голубоватых озерах хитрых глазок. Он, уставший от крови и битв, обожженный войною и смертью, потонул в этой голубой бездонности! Умудрился, пускай на короткий миг, но поймать юркий хвостик переменчивого счастья. Словно бабочка, точно мотылек... Давно это было, очень-очень давно...

При их приближении кожаные охранники послушно расступились. Один из молодчиков зевнул, распахнул на миг толстогубый рот. В ряду неровных зубов блеснуло золото. Пахнуло табаком и чесночной колбасой. Охотник задержал на нем взгляд. Плоское лицо охранника пересекал рваный шрам, зигзагом проходящий через лоб, щеку и обрывающийся на левом краю подбородка.

«Милое украшение, где приобрел?» – подумал старик, но смолчал.

Напарники шрамоносца смотрелись не менее грозно, но во взглядах, брошенных на Охотника, читался суеверный страх. Они знали, кого привела хозяйка борделя.

Охотник поморщился. Привлекать внимание к своей персоне он не любил. Не от врожденной скромности, а из соображений безопасности.

Два коротких удара, один длинный. Вновь два коротких. Металлически зашуршал засов. Дверь приоткрылась на ширину локтя. Стелла без слов подтолкнула, и Охотник просочился в щель, чудом избежав знакомства с ржавым гвоздем, который, по злему умыслу или недосмотру, торчал из дверного косяка.

Глава 2

По первому впечатлению Охотнику показалось, что он проник в пещеру со следами некогда бурного пожара. В уютный грот закатных тонов, атмосферный и интимный.

Комнату, пространство которой занимала огромная кровать на кривых ножках, заливала густая краснота. Рядом с ложем втиснулся низкий столик, заставленный натюрмортом кубков, кувшинов, бутылок, измятых салфеток и тарелок с объедками. Ноги проваливались в густой ковровый ворс. В дальнем углу горело последнее чудо инженерной мысли – масляная лампа под куполом розового абажура. Именно она рождала красноту и интим. Именно она маскировала правду.

Секунд через десять глаза пообвыклись, открывая новые детали интерьера. Охотник отметил мягкий пуф, сиротливо приткнувшийся около кровати ножки, большую акварель в облезлой раме, на которой совокуплялись сатиры и дриады, пару простых стульев и тяжелую плевательницу в форме женщины с распахнутым ртом. Отметил резную полочку темного дерева и вереницу искусственных фаллосов, выстроившихся на полочке по росту и размеру...

И четыре мужские фигуры. Вооруженные, одетые в черную кожу, шерсть и металл. Трое из них молча сидели на кровати, выжидаяюще смотрели на вошедшего. Четвертый, который открывал дверь – худощавый, сгорбленный, с лицом, прикрытым полями широкополой шляпы, в это самое время возился с засовом. Когда он наконец закончил и развернулся одним резким, пружинистым движением, Охотнику не потребовалось называть имени этого человека. Слишком давно они были знакомы. Слишком многое пережили, слишком многое похоронили на кладбищах души, еще большее оставили непогребенным. От хозяина широкополой шляпы исходил отчетливый винный запах. Это был не кто иной, как Шарманщик – гениальный певец, непонятно каким образом затесавшийся в ряды Императорской Гвардии.

– Охотник, – важно протянул бывший Гвардеец и раскрыл объятия. – Как же я по тебе соскучился, ворчливый пенек! Где столько времени пропадал? Прятался?! Уж не от меня ли?!

Объятие, несмотря на удобу и опьянение обнимавшего, оказалось сильным и жестким. Охотник вспомнил неудачников, что пытались навредить Шарманщику, купившись на его хрупкую комплекцию. Их покалеченные тела давно сгнили, а тщедушный Гвардеец в широкополой шляпе по прежнему жил. И по прежнему много пил.

– Здравствуй, Шарм, – Охотник удивился дрожи собственного голоса. – У меня к тебе дело.

– Представь, старина, у меня к тебе тоже! Но сперва разреши рекомендовать уважаемых, я бы даже сказал – многоуважаемых граждан славного, нет – наиславнейшего города Арабая! Но что это со мной, шайтан откуси селезенку?! Где такт, где воспитание?! Пусть лучше они представляются самолично, а я, с вашего великодушного позволения, капельку выпью. Не знаю почему, но глотка пересохла, словно кошки мне туда нагадили! Прошу, господа! Стеснение – лишь комплексный отголосок дурного воспитания. Да и ваше инкогнито мешает моему другу расслабиться. Он у нас, видите ли, подозрительный... Или подозревающий?! А, курвина дочь, куда подевались мои манеры?! Тебе чего-нибудь налить, о мой скромный боевой товарищ?

– Не откажусь, – кивнул Охотник и ухмыльнулся. Шарм остался прежним. Годы не повлияли на его язвительный тон и безудержную болтливость.

Шарманщик подцепил пузатую бутылку, взял со столика первый попавшийся бокал. Обнаружил на доннышке остатки вина, без церемоний вылил в горшок с каким-то экзотическим цветком. Цветок моментально скукожился. По всей видимости, спиртного он не употреблял. Шарманщик проигнорировал страдания трезвенника. Вытряхнул зацепившиеся за дно капли, набухал до краев и с поклоном протянул Охотнику.

– За встречу, брат! Никогда бы не подумал, что обрету счастье, созерцая твою кислую физиономию, клянусь непорочной честью Катарины-Дырочки, нашей распутной императрицы!

Охотник улыбнулся.

– За встречу, Шарм. Я тоже рад тебя видеть.

Чокнулись. Шарманщик пил прямо из горла, нисколько не заботясь о приличиях. Вино пузырилось на губах, пачкало несвежую сорочку, некогда белую, кружевную и пятнисто-бордовую сейчас. Арабайцы ждали, давали старикам насладиться встречей.

Охотник прихлебывал вино и с интересом рассматривал лица руководителей заговора. Хорошие лица, надо признать. Не было на них пламени фанатизма, не было бесшабашной героичности. Нормальные лица взрослых мужчин. Готовых принимать решения и нести ответственность за поступки. Даже юный Карлес, которому вряд ли исполнилось восемнадцать, мог соперничать серьезностью с напыщенными пердунами из Императорского Совета. Стеллиного внука он определил моментально. Даже не по возрасту, а по глазам. Голубым глазам Амели, что в атмосфере красного интима горели фиолетовой насыщенностью качественных чернил. У молодого Чирроке оказалось приятное лицо с правильными чертами, которые нисколько не портил кривой, явно поломанный нос.

Мужчины различались внешне, но Охотник без труда отыскал сходство. Единство, подаренное общностью идеи, что пленила сердца и породила в душах бурю страстей. Троицу переполняла энергия – пружинистая и гибкая, заключенная во внутренностях, но упрятанная до решающего момента под маской смирения.

Глядя на заговорщиков, Охотник ощутил страх. Словно шаман с магическим бубном, он приоткрывал зыбкий полог будущего. Видел то хаотичное, безумное, что готовилось вырваться в мир, подпитываемое энергией троицы бунтовщиков.

«Такие люди способны на многое, – подумал Охотник с невольной дрожью. – Они не боятся крови и смерти, ведь избранная цель служит достойной причиной применения крайних мер. Нерушимой моральной базой. Такие люди идут до конца, а за их спинами остаются разрушенные города, трупы и плач. Но они не оборачиваются, а идут и идут, сквозь дым, пепелища и сладкий запах гниющей плоти. Они идут, а под каблуками их изношенных сапог хрустят кости...»

Он залпом допил вино, что вдруг наполнилось горечью. За годы Разлома Охотник насмотрелся на людей, чью сущность слепили из подобного материала. Он неоднократно наблюдал результаты их прекраснотушия. Результаты всегда отдавали болью. Поэтому он не верил в него и не верил в них. Опасался осуществления замыслов таких замечательных людей и навсегда зарекся им помогать.

Шарманщик протяжно рыгнул, отбросил опустевшую бутылку. Та ударилась о стену, разбилась. Пьяную выходку оставили без внимания. Шарманщик потянулся за новым пузатым сосудом. Напиваться ему не мешали.

Добавив свой бокал в композицию стола, Охотник протер губы и обратился к сидящим, что по-прежнему молчали.

– Наше собрание, господа, начинает походить на банальную пьянку. Хочу напомнить, всех нас ждут дела. Мое имя вам известно, ваши – до сих пор не названы. Предлагаю побыстрее покончить с формальностями и перейти к сути нашей тайной конференции.

– Поддерживаю вас, сударь Охотник, – слегка шепелявя, произнес плотный, бритоголовый мужчина средних лет, поднялся и протянул широкую ладонь. Охотник ответил на рукопожатие, отметив крепость пальцев лысого. – Меня зовут Валиант Верра. Мастер-кузнец Оружейной Гильдии Арабая, проректор и преподаватель Уларской Технической Академии. Счастлив повстречать столь легендарную личность. Человека, спасшего нашу страну.

– Рад знакомству, мастер Верра, хотя вы преувеличиваете мои заслуги. Страну спас не я, а граждане, которые доблестно сражались за единство нации, – Охотник осекся, но никто не обратил внимание на оговорку. – Лучшие из этих патриотов были вооружены клинками ваших мастерских.

Валиант Верра чуть заметно поклонился.

– Слышать подобное от прославленного мечника – честь для меня и всех арабайских оружейников.

Мастер Верра вернулся на кровать. Охотник отметил неловкость движений и вспомнил об ударе ножа, полученном кузнецом три дня назад. Задушенный ассасин знал свое дело. Он просто недооценил нечеловеческую живучесть бритоголового арабайца.

– Дижон, барон Заклевский, – сухо представился смуглолицый красавец тридцати пяти-сорока лет. – Капитан Центральной Армии, командующий Лунной стражи города Арабая.

Рукопожатие барона оказалось судорожным и недолгим.

– Рад знакомству, милсдарь Заклевский. Насколько я понимаю, ваши предки получили баронство недавно? Интересуюсь не ради принижения заслуг благородного рода, а лишь потому, что знаю наперечет все старые фамилии Империи.

– Вы правы, Гвардеец, – поморщился капитан, и его красивое лицо обрело сходство с чертами хищной птицы. – Дворянство, а тем более баронство досталось нашей семье недавно. Во времена Разлома. Тилан Заклевский, мой прадед, служил простым лучником в Третьем спецподразделении Янтарной Дивизии, предписанной к Южной Армии. В Карбакийской Мясорубке Янтарная Дивизия держала паромную переправу на речке Корже. Командир и старшие офицеры были убиты. Воины запаниковали, но прадед взял на себя руководство и сумел навести порядок. Переправу, несмотря на яростные атаки солдат Шальной Девки, удалось удержать. Было выиграно время, и подоспевший Золотой Легион ударил в правый фланг Девкиной конницы, вынудив ее маршалов скомандовать отступление. Да что я рассказываю?! Вы ведь были в то время в Карбакии? Скажу лишь, что прошение о прадедовом дворянстве подал лично Командор Гвардии – великолепный Лидер. Император Людовико подписал указ. Так наша семья получила земельный надел в Верхнем Старполье, в те времена – сожженном. Дед и отец трусами не оказались и заслужили для Заклевских баронский герб. Я же, после стольких лет, проведенных в армии и на службе по охране порядка, увидел иной путь...

Барон замолчал, с вызовом глядя на старика в плаще-хамелеоне, хотя тот и не пытался оспаривать заслуги рода Заклевских.

Воспоминание о кровавом ужасе Карбакии вызвало сильнейший зуд в районе клейма. Охотник поскреб литеру и исподлобья глянул на Стеллиного внука. Юноша вздрогнул, однако взял себя в руки и представился, подражая тону старших товарищей:

– Карлес Чирроке, аспирант Арабайского Университета Медицинских Искусств, бакалавр хирургии.

Руки он не подал. Охотник не удивился. К вопросам чести бастарды, пусть даже и признанные, относились с повышенным вниманием. Хотя, в подобном поведении могло скрываться нечто иное.

– Счастлив знакомству, Карлес. Медицина – достойная уважения стезя. Даже для внука Черного Сокола...

– Вы хотели сказать, для шлюхиного сына?!

– Не хотел, – Охотник обругал себя за прямоту. – Если мои слова вас оскорбили – приношу извинения. Вашу бабушку я знаю с пеленок и всегда считал достойной женщиной, несмотря на ее специфический способ добывания монет. Скажу больше, будь судьба благосклоннее, я мог оказаться ее отцом...

Брови Карлеса Чирроке взлетели на середину лба.

– Что это значит, сударь?

– К моему глубочайшему сожалению уже ничего.

Карлес насупился. Шарманщик пил, остальные молчали, и Охотнику, несмотря на нелюбовь к риторическим упражнениям, пришлось солировать.

– Мастер Верра, милсдарь барон, доктор Чирроке. Я вижу, что попал в достойную компанию. Я бы снял пред вами шляпу, но, увы, предпочитаю не носить головные уборы...

– А вот я – ношу и с превеликим удовольствием снимаю! – расхохотался Шарманщик и проделал своим широкополым чудовищем сложную приветственную фигуру.

Собравшиеся не поддержали шутку. Барон Заклевский подергал острую бородку. Мастер Верра кашлянул. Карлес сидел напряженный и нахохлившийся, похожий на мокрого воробья.

– Как я уже сказал, – продолжил Охотник. – Знакомство с вами доставляет мне истинное удовольствие. Нам стоило встретиться в другое время и в менее напряженной обстановке. Однако, мы здесь. Наша гостеприимная хозяйка намекнула, что вы хотели о чем-то со мной побеседовать?

Заговорщики переглянулись.

– Не хочу тратить время на пустословие, скажу прямо, – начал Заклевский. – Мы предлагаем вам присоединиться к нашему... сообществу...

– Дижон хотел сказать, – поддержал соратника Валиант Верра. – Мы *просим* вас присоединиться к нашей борьбе.

Охотник покачал головой.

– Я бесспорно тронут оказанной честью, но сперва хотел бы узнать суть вашей... борьбы. Проникнуться идеей, если можно так выразиться.

Мастер Верра нахмурился.

– Стелла ничего вам не объяснила?

Охотник виновато улыбнулся.

– Кое-что, но, боюсь, этого недостаточно для принятия столь ответственного решения. Независимость, справедливость, свобода... Это просто слова, что отдают, в контексте происходящего, ароматом авантюризма и влекут за собой весомые неприятности. Проблемы даже, или беды. Больше конкретики, уважаемые. Мне нужны детали. Общая стратегия, тактические выкладки. Элементарный план действий, в конце концов. Из того, что мне пока известно, ваша затея – мероприятие безнадежное. А учитывая бурную деятельность Имперского Сыска и топот солдат Северной Армии – форменное самоубийство. Я незнаком с их командиром лично, но слухи рисуют герцога Леграно талантливым полководцем...

– Кровосос – талантливый полководец?! – взвился Карлес. – Да он просто мясник, бесчеловечный убийца! Скажите, сударь, какие сражения Рудольфо Мерри выиграл? Где проявил свой полководческий гений?

– Восстание корабельщиков в Восточной Усилиии?

– Не стоит сравнивать битву с истреблением! – хмыкнул барон Заклевский. – В Усилиии солдаты Кровососа убивали безоружных. В Усилиии им противостояла неорганизованная толпа, не имеющая ни четкой цели, ни грамотного руководства...

– У вашего мероприятия имеется и то и другое? – перебил Охотник. – Чем ваше восстание отличается от усиллийского бунта? Что вы способны противопоставить стальному кулаку Северной Армии? Если мне не изменяет память, в состав Северной входят и Серые меченосцы из полярного Рильска, и знаменитые Ниградские копейщики, и прославленная дивизия кирасиров – Дети Льда...

– В нашем распоряжении вся городская стража – Лунная и Солнечная, а это почти тысяча мечей, – начал перечислять Заклевский.

– За нас вольные граждане Арабая! – подхватил мастер-кузнец. – За нами жители Нурска и Экарта, Ирбита и Вердья, Хальмера и Байка...

– За нами каждый город и замок! – встрял Карлес. – За нами все население Улара! Мало?! За нами жители соседних провинций – Лории, Катара и герцогства Ливаро! За нас все те, кто стремится к свободе, кто желает сбросить с натруженных плеч гнет гиганта на гнилых ногах!

«Ты-то где натрудил свои плечи?!» – подумал Охотник, но смолчал.

Он почти видел энергию, срывающую с заговорщиков маски мнимого спокойствия. Почти видел рвущийся на волю хаос. Он с грустью понял, что оказался прав.

– Вдобавок к сказанному у нас есть Шарманщик, – подвел черту Валиант Верра.

– Воистину, как говорят обожаемые мною служители Творца, у них есть я! – со смехом подтвердил певец и запустил в стену очередную бутылку, едва не опрокинув последнее чудо изобретательской мысли.

– Я вас услышал, господа, – сказал Охотник тихо. – Но убежден, что лишь в последнем вы правы. Все помнят о Песенной Битве, я в том числе. Я видел, что сотворил концерт Шарма у берегов Ены. Я даже могу предположить, что чудо сработает повторно, уже в случае с уларскими повстанцами. Но в остальном – извольте! Вы говорите, с вами весь Улар, но даже в самом Арабае – сердце восстания я не увидел, не почувствовал того невидимого нерва, что живет в месте, готовом разгореться пламенем революции. Поверьте, я умею распознавать такие вещи. Но! Предположим, гипотетически и я мог ошибиться. Предположим, что вас поддерживает вся Провинция Улар. Предположим, что к моменту, когда Северная Армия встанет у стен Арабая, их будет ждать объединенное ополчение из Нурска, Ирбита, Вердя и прочих уларских городов. Ополчение, напичканное продуктами вашей идеологии, собранное и боеспособное, с грамотным командованием, знакомым с тактикой и стратегией ведения войны. Предположим даже, что оно, это добровольческое войско, нанесет поражение Северной. Думаю, о цене подобной победы упоминать не стоит? Но вот она случилась, эта грандиозная виктория, а дальше-то что? Ведь одно выигранное сражение – еще не победа в войне! Это начало пира, легкая закуска для некрепкого желудка! Что вы станете делать, когда на Улар, обескровленный боями с солдатами Рудольфо Мерри, обрушится вся мощь Тысячелетней Империи?! Когда наш законный Император Паоло Веселый самолично выступит во главе объединенного войска?!

Арабайцы, до того слушавшие его точно зачарованные, одновременно повскакивали и разразились бранью.

– Он не законный Император! – рычал Заклевский. – Хрустальный трон занят презренным бастардом! Плодом распутства и похоти!

– Паоло Веселый – ничтожество и байстрюк! – вторил барону юный Чирроке, уже позабывший о собственном происхождении.

К рассерженному хору присоединился Шарманщик, что клял почему зря не только Императора-бастарда, но и вороватого повара из трактира «Кабаний бок», а также некую Сильву по прозвищу Сосок, прошмандовку и курвину дочь.

Они еще долго кричали, а Охотник слушал, подперев кулаком подбородок, и пытался вспомнить, где и при каких обстоятельствах видел схожую картину. Память никак не желала отдавать секретов.

Валиант Верра первым взял себя в руки.

– Сударь Охотник, вы знакомы с бродящими по Империи слухами? О том, что Император Паоло вовсе не сын своего отца, а его настоящий родитель – придворный шут по кличке Дурабас? О том что и отец Веселого – Энцио Задиристый совсем никакой не Корво, а самый натуральный Фалль, плод греховного союза герцога Марко Фалля, Первого Советника во времена Энцио II Ученого и супруги Ученого – императрицы Жульеты, в девичестве Меагорн?!

– Помедленнее, мастер Верра, – выставил ладони Охотник. – Вы меня совсем запутали в ваших Императорах, законных и незаконных, в императорских прозвищах и плодах их преступных связей.

– Побоку клички и незаконных детей! – Валиант Верра вытер вспотевшую макушку. – Суть не в том, уважаемый Гвардеец, что последним правомочным Императором Гардана был известный вам Энцио II Ученый. Династия исчерпала себе! Кровосмешение и браки близких родственников привели к вырождению царственной фамилии! Коронованные ничтожества и полоумные властелины с каплей крови Корво-Копьеносца в жилах привели Гардан к пропасти! Империя разваливается на куски, гниет самым натуральным образом! Шайтан побери, она умирает! Система существующей власти вычерпана до доньшка! Древняя аристократия набивает карманы и не знает, чем бы занять себе от скуки, а трудовой люд изнемогает под бременем поборов и повинностей! Он устал от несправедливости, Охотник! Устал от бесправия, от хамства титулованных ничтожеств, прости Дижон...

– Не извиняйся, Валиант, – барон Заклевский положил руку на плечо разошедшегося оружейника. – Империя – вымирающий реликт. Закостенелый и жадный дракон, посаженный в клетку ритуалов и условностей. Каждый гражданин и патриот должен понимать, что только благодаря комплексу радикальных мер можно сохранить национальный костяк...

Заклевский говорил, а Охотник слушал, и разговор нравился ему все меньше и меньше. Он вздохнул, скребанул клеймо.

– Я понял вас, уважаемые. Все, о чем говорилось здесь, не ново. За прожитые годы мне довелось насмотреться всякого. Еще большее выпало услышать, но одно дело – видеть и слышать, а другое – верить и знать правду. Случалось, что очевидное на первый взгляд явление на проверку оказывалось совершеннейшей противоположностью. Я зарекся доверять даже собственным глазам и считаю полнейшей глупостью смотреть на оболочку, но не заглядывать в суть. Факты и только факты – таков мой принцип. Причем факты правдивые, а не высосанные из пальца горсткой радикалов-одиночек! Кучкой униженных и оскорбленных, недовольных государственной политикой и подбивающих косвенные доказательства мнимых преступлений в рамки некой однополярной теории!

Он умолк, наполнил бокал. Выпил. Происходящее потеряло смысл, и лишь необходимость в разговоре с Шарманщиком задерживала уход. Арабайские заговорщики глядели на него исподлбья, холодно и презрительно. Лишь певец не переживал! Он откопал где-то кобзу и теперь, приваливших к стене под похабной акварелью, лениво подергивал серебряную струну. Была ли эта кобза той самой, которую вручил певцу Людовико Старый, Охотник не знал, слабо разбираясь в предмете певческого искусства.

– Вам нужны факты? – наконец заговорил Заклевского. В голосе барона дребезжал металл. – Извольте! После Разлома прошло немногим менее пятидесяти лет. Пятидесяти! И сколько из них прожила Империя в мире? Один, самое большее два! Да и то первый из этих двух был занят...

«Прошло сорок девять лет», – уточнил про себя Охотник и бесцеремонно прервал:

– Не стоит говорить о *Ловле* в моем присутствии.

Фраза прозвучала монотонно и скучно, но Заклевский моментально умолк.

– Простите, сударь. Я заговорился.

– Извиняться не стоит, но воздержитесь, впредь, от подобных экскурсов.

Он кашлянул, поднялся, крепко прихватил рукав шарманщиковой куртки и отчетливо, выделяя каждую фразу, сказал:

– Мне надо решить один вопрос. Вопрос серьезный. Решить прямо сейчас.

Не переставая бренчать, Шарманщик уставился на него слезящимися глазами. Удивительно, но он казался трезв, словно проглоченные галлоны вина были плодом иллюзорной магии. Он просто сказал:

– Начинай.

– Это конфиденциально.

– Говори. От этих людей у меня нет тайн. Ты ведь уже догадался, что я принимаю сторону Фронта?

Охотнику стало грустно. Показалось, будто его жестоко обманули, но старик знал, что чувство обмана тоже обман.

– Дело касается исключительно нас двоих, – сказал он и добавил. – Гвардейцев.

Арабайцы молчали. Слезы в глазах Шарманщика стали заметнее. Дергать струны он перестал.

– Эх, Охотник... Нет больше Гвардейцев! И Гвардии нет! Есть ты, я и слоняющийся неизвестно где Игрок. Погибла Гвардия! Скурвилась, сукина дочь, а мы давным-давно превратились в бесполезные развалины! Я пью и пою похабные песенки в кабаках и борделях. Игрок мается дурью и картами, а ты – скоро сойдешь с ума от серьезности и одиночества.

Певец взял протяжный аккорд. Чувство обмана сделалось сильнее.

– Это не правда.

– Не лги себе, Охотник. Мы – ничтожества, что проиграли свою войну. Ты считаешь по-другому?! Не верю! Но эти люди, – Шарманщик обвел рукою троицу заговорщиков, – Эти парни пришли ко мне и предложили реванш. Убедили меня, что ошибки можно исправить. Дали мне возможность вновь заняться тем, что у меня неплохо получается. Заняться войной! Поможем повстанцам, Охт! Вместе, как раньше! Сразимся в последний раз! За то, во что мы верили! За что погибли наши братья...

– Наши братья сражались за Империю и Императора! – не удержался Охотник, чувствуя, как пальцы злости смыкаются на горле. – Ты и твои новые друзья предлагаете мне встать по другую сторону траншеи! Но чем они отличаются от нашего прежнего повелителя?! Чем эти трое лучше?! Не случится ли так, что, одержав победу и обретя желаемое, они не устроят второй *Ловли*?!

– Этого не будет! – вскочил Дижон Заклевский, но замолчал под тяжеленным взглядом желто-зеленых глаз.

– Помолчи, юноша! Я разговариваю с Гвардейцем. Пускай и бывшим. Пускай и таким, который забыл...

– Что ты несешь, Охотник! – ручейки слез перечертили лицо Шарманщика, но голос был ровен. – Я ничего не забыл!

– Правда?! Ты и впрямь ничего не забыл, но, тем не менее, предлагаешь одеть чужие доспехи и встать под вражеские боевые знамена?! Убивать и стараться чтоб тебя самого не убили?! Предлагаешь заново спасать, рисковать, жертвовать...

– Тебе нечем жертвовать, – жалко усмехнулся Шарманщик. – Разве тебе есть что терять? Разве ты не лишился всего?!

Одиночество и злость устраивали в душе Охотника дикие пляски.

– Ты прав. У меня ничего не осталось. Да у меня, шайтан побери, никогда ничего и не было! Лишь долг, засратая война да мои братья по Гвардии. Братья, которых я лишился по вине наших перетрусивших вожаков!

Арабайцы не вмешивались, напряженно слушали. По лицу Шарманщика струились слезы. Он выглядел уставшим и больше не пытался ухмыляться.

Охотник опрокинул в глотку полный бокал вина.

– Помнишь, как нас предали?! Вот здесь упоминали о *Ловле*, – он не смотрел на Заклевского, но почувствовал, как барон краснеет. – Ты помнишь *Ловлю*, Шарм? Конечно помнишь! А ты знаешь, что они, эти герои-ловчие, сделали с Лицедеем, Аналитиком или Любовником?! Не знаешь, ты был в те дни слишком пьян! А вот я вовсе не пил! Я видел и помню! Любовника сдала очередная бабенка, не знаю, как эту трахнутую суку звали! Сдала, предварительно опоив маковым зельем. Не простым, с ядовитыми добавками! Когда наш братишка очнулся, то был спеленат словно младенец. Знаешь, как герои отобрали его жизнь?! Облили черным маслом

и подожгли!!! Как он кричал, как кричал... Этот крик до сих пор звенит у меня в ушах... А знаешь, как погиб Лицедей? Длиннобородая скотина Калил поймал нашего актера на подмостках маленького театра в Борено... Есть такой мелкий замок в Западной Усилии. Ты же помнишь, что Лицедей не мог и дня прожить без сцены? Знаешь, что шайка Длиннобородого сотворила с нашим Лицедем? Они его обманули, прикинувшись участниками представления! Связали, словно по сценарию, а потом, уже по правде, крюками пробили ему кисти, предплечья, локти, ступни, голени... Вдели в крюки веревки и подняли нашего брата над сценой! Они пили самогон и дергали, дергали за эти веревки! Пили и хохотали!!! Кричали: «Ты любишь театр, Гвардеец? Любишь представления?! Так пляши! Пляши, куколка!» И он плясал на этих веревках, истекал кровью и плясал, словно живая марионетка, а из него брызгала кровь!!! А они дергали, пили и смеялись!!! А он дергался на этих шайтановых веревках...

Охотник замолк, задыхаясь от злости. Шарманщик хлюпал носом, стискивал тело кобзы, словно желая напитаться силами из деревянного тела инструмента. Заговорщики прикидывались глухонемыми. Последнее чудо техники дважды моргнуло и потускнело. Интимная краснота сделалась строже.

Охотник приобнял певца за плечи, указал на троицу арабайцев.

– Ты хочешь помогать этим людям, Шарм? Потомкам тех людей, что уничтожали нас?! Ты хочешь участвовать в *их* войне, мечтаешь взять реванш и победить, а после – строить для *них* справедливое государство? Создавать общество, с главенствующей моралью и этическое? Общество, свободное от порочного груза прошлого? Ты считаешь их способными на подобного рода преобразования?

– Думаю, да, – ответил Шарманщик неуверенно. – Как ты можешь кого-то обвинять, если даже не знаешь их планов?

Охотник паскудно усмехнулся.

– Прошу, я этого и добиваюсь! Пусть твои друзья расскажут о своих грандиозных задумках, – он проткнул арабайцев взглядом. – Извольте, господа! Быть может вам удастся убедить старого циника в благонаправленности ваших стремлений!

Заговорщики насупились. Слова походили на оскорбления, но троица разумно опустила грубость. Они помнили, какой человек находился перед ними. Невзирая на несомненное мужество, смертниками они не были.

– Победа над Северной Армией даст нам время. Его мы потратим на получение финансовой независимости, – начал непонятно откуда мастер Верра. – Рудники Уларских гор предоставят в распоряжение республики необходимое сырье. А уж оружейников, способных сотворить из руды качественные изделия, в Арабае предостаточно! И не только в Арабае! В Ирбите, Верdle или Хальмере куют отличное оружие. Это уларские города. Мы получим полный производственный цикл! Соседи, будь то Королевство Фария, Нитланд или сама Империя будут выстраиваться в очередь за нашей продукцией...

– Подожди, Валиант! – барон Заклевский глядел на Охотника с вызовом. – Главное заключается в другом. Управлять будущей Уларской Республикой станет народ! Понимаете, сударь, народ! Правителя мы будем выбирать посредством всеобщего голосования. Власть получают лучшие из лучших, единственной целью которых станет благополучие освобожденных людей и величие вольного государства...

«Я уже слышал подобное, – думал Охотник, привычно отгородившись от утопических витийствований за воспоминаниями. – Точно такие же слова, и я помню, где это происходило. Они звучали в подземном лабиринте города Элкстрима. Эти слова долетали до меня сквозь решетчатую дверь, а произносил их глава Лунного Братства – прекраснодушный мечтатель Генрих Колстер. Тот замечательный человек, по чьей вине погибли тысячи людей. Слова идеалиста, что утопил в крови три имперские провинции – Элк, Лорию и родной для этой троицы Улар. Магистр Колстер тоже говорил об умирающей Империи, о выродившемся дворянстве

и необходимости отдать власть в руки народа. Естественно, под чутким руководством высших иерархов Лунного Братства. Эти трое – идейные потомки Колстера и его ближайшего окружения, в которое входил и Курам Зуль – кровавый генерал Серебряных беретов, палач и изувер, изобретатель девятихвостой плети и плоскогубых щипцов для вырывания ногтей. Тот самый Курам Зуль, что во время Элкстримского Побоища повис на копье родного деда одного из этих парней...»

Он ощутил тоску и боль. С треском лопались пьедесталы павших героев. Осквернялась память, а бесчувственный ветер забвения распылял прах погибших защитников Империи. Ложь подменяла правду, а он презирал ложь.

– Демократическая республика Улар, – в голосе старика звучала насмешка. – Завораживающие слова. И невероятные. Современное гражданское общество не готово к самостоятельному управлению страной. Быть может в будущем, лет через... много, но только не сейчас. Не те люди, не то воспитание да и мораль – не та...

– Вам это кажется смешным?! – вскочил Карлес, но тяжелая ладонь мастера-кузнеца осадила порывистого доктора. Молодой Чирроке гневно взглянул на старшего товарища, но подчинился и остался сопеть на краю кровати.

– Нет, юноша, – тоска жгла Охотнику душу. – Мне это кажется печальным, но не смешным. Мне это кажется несправедливым, но отнюдь не смешным. Мне это кажется подлым, но только не смешным.

– В тебе говорят обида и злость..., – начал Шарманщик, но умолк, встретившись с желто-зелеными глазами Охотника.

– Да, Шарм! Да!!! Во мне говорит злость. Шайтан побери, да она кричит во мне! Орет и ругается, как пьяная, сифилитичная шлюха!!! И не злость это, а ненависть! Я ненавижу эту треклятую Империю! Пусть сгорит она в пламени пожаров, пусть насосется собственной крови и оттрахает сама себя в задницу! Я и пальцем не пошевелю! Одному Творцу известно, почему я не начал мстить. Почему не помчался мстить за наших братьев, погибших от подлости людей, которых ты предлагаешь мне поддержать! За которыми предлагаешь идти, в чьей утопической авантюре предлагаешь участвовать...

Он не удержался и сплюнул на шикарный ковер. Интимная краснота окрасила плевков всеми оттенками крови.

– Помнишь Мозаичный зал Цитадели?! Энцио II и ту благородную шваль, что отводила от нас свои взгляды?! Думаешь, они испытывали стыд?! Раскаивались?! Трижды нет!!! Эти люди просто боялись! Последних, полуживых Гвардейцев! Они бы с радостью нас уничтожили, но страх не давал этого сделать! А Энцио Ученый?! Думаешь, он лучше остальных?! Считаешь – он наш освободитель?! Нет!!! Император Энцио – глупец! Глупец, не представлявший, каким образом использовать наши таланты! Глупец, которому мы спасли жизнь! Подарили корону Гардана, а взамен получили пинок под зад!

Охотник перевел дыхание.

– Хочешь расскажу, как убили Шпиона? Туповатые герои-воины не могли даже напасть на его след! Тогда за дело принялись маги. Сказать, кем они были? Предателями и смутьянами, мерзавцами из Лунного Братства! Помнишь эту замечательную организацию из славного города Элкстрима?! Так это были они! Их – бунтовщиков и коронных преступников выпустили из тюрем ради поимки Шпиона – признанного героя Разлома...

Он замолчал, задыхаясь от злости. Шарманщик плакал, полностью соответствуя прозвищу, подаренному куртизанками Стеллы.

– Мы жертвовали собою ради Империи, – голос Охотника хрипел. – Мы бросили девять жизней на алтарь жестокого бога, но бог посмеялся над нами! Мы принесли в жертву девятерых братьев, а взамен получили изгнание и свободу. Но что такое свобода?! Зачем нам свобода, ведь наш бог оказался предателем! Мы потеряли все, хотя ничего и не имели. Кто мы теперь?!

Легенды, старики, пустышки?! Мы никто! Мы потеряли смысл жизни и не знаем правды. Не знаем, кто мы такие, не знаем нашего прошлого, настоящего и будущего. Мы не знаем себя! Я пришел за тобою, Шарм. Вместе мы сможем узнать. Понять, кто мы – Императорские Гвардейцы – есть на самом деле. Мы пойдем за тайной нашего прошлого и соберем историю нашей жизни. Ты со мной или с ними?

Его крючковатый палец поочередно указывал на заговорщиков. Шарманщик выглядел растерянным. Чувства арабайцев никого кроме них не интересовали.

– Я не понимаю тебя, Ох, – сказал наконец певец. – Совсем не понимаю. Ты наговорил кучу неприятных вещей. Тех самых, о которых я пытаюсь забыть, но так ничего и не понял из твоей болтовни.

– Сперва ответь мне, любезный брат, как тебя зовут?

– Ты сбрендил, Охотник?! – вскинулся Шарманщик. – Ты издеваешься?! От кого от кого, а от тебя не ожидал такого!

Охотник улыбнулся.

– И все же, ответь.

– Ну-уу... Шарманщик.

– Вот то-то и оно! *Шарманщик!* А как твое *настоящее* имя? Не прозвище, не кличка, а имя, которым наделили тебя при рождении мать и отец? Да, кем, говоришь, были твои родители?

Шарманщик задумался, растеряно хлопал глазами. Охотник отлично представлял состояние певца. Простые, понятные любому человеку вопросы оказывались для бывших Гвардейцев хитроумными загадками. В тот день, когда вопросы задавались ему самому, он был шокирован их простотой и... неразрешимостью.

– Я не знаю, – пробормотал наконец Шарманщик. – Никогда не думал об этом...

– Вот видишь! До определенного момента и я не думал! Никто из нас не думал на эти темы! Если мы спросим Игрока, он подтвердит.

– Я все равно не понимаю, – Шарм больше не ныл.

Охотник выдержал паузу.

– А хотел бы?

– Не знаю, я никогда...

– Никогда не задумывался над тем, откуда мы явились в Империю? Каким образом очутились у подножия трона? Как вышло, что каждый из нас стал гениальным специалистом в определенной области? Откуда ты, например, знаешь столько песен? Все песни нашего мира! Умеешь играть на всех существующих музыкальных инструментах, вплоть до костяных расчесок и ветров из собственной задницы?!

– Мы же где-то обучались...

– Обучались?! Скажи, пожалуйста! И где та замечательная школа? А куда подевались прочие выпускники этого заведения? Ты хоть одного, кроме Гвардейцев, встречал?

– Ну, я...

– И я не видел, а знаешь почему? Мы – единственные! Понимаешь, сопливый пьяница!

– Но-но, прошу без оскорблений! – откликнулся Шарманщик зло.

И это было хорошо. Он оживал, сбрасывал апатичные одежды. Превращался в прежнего Шарма, язвительного и острого. Охотник склонил голову, пряча улыбку.

– Прости, погорячился. Скажи лучше, сколько тебе исполнилось годков?

– Э-э-э, – задумался певец, стискивая гриф любимой кобзы. – Точно не помню, но много...

– Вот и я не помню! А тебе известно о том, что я наблюдал нашу гостеприимную Стеллу еще в те времена, когда она была крошечной девочкой и сикалась в пеленки? Это кажется невероятным, но в те годы у нее еще не выросли знаменитые шестиразмерные сиськи! А сколько

лет нашей Стелле сегодня? Семьдесят? Больше? Так ведь в те времена я был уже немолодым и навидавшимся всякого воином. Наша первая встреча состоялась на шестом году Разлома... Понимаешь?

– Э-ээ, да, то есть, нет. Я запутался...

– И тебе это кажется нормальным?

– Что именно?

– Нормально ли обстоятельство, что тебя загоняет в тупик подобная мелочь?

– Нет, но ведь я уже говорил тебе, что никогда об этом не задумывался...

– Но *почему* не задумывался? *Не хотел* или *не мог*? А быть может *ничто* намеренно не давало тебе этого сделать?

Неожиданно Шарманщик дернул кобзу за струну и улыбнулся со своим обычным ехидством.

– Давай, мудрила, выкладывай! Не тяни кошака за яйца! Неужели тебе не совестно измышляться над старым, больным человеком?! Уверен, ты отыскал что-то конкретное. Ты – зануднейший из всех занудных зануд, но находить следы умел всегда.

Охотник хмыкнул. Такой Шарманщик ему нравился больше.

– Три недели назад я повстречал одного человека. Вернее, он повстречал меня. Не представляю каким образом, но этот человек проник в одно из моих степных убежищ. Мы разговорились и...

***

Охотник порядком вымотался. Весь день он гонялся за винторогой газелью и лишь к закату настиг не в меру резвую живность. К этому моменту на небе вылупилась пара миллионов звезд, а на его ногах лопнула пара мозолей. Воздух заметно посвежел, сделался колким и звонким. Обитатели Дикой Степи готовились ко встрече с ночью.

Отпилив у несчастной жертвы рога, вырезав печень и малую часть надпочечника, он, уставший и основательно продрогший, к полуночи добрался до Северного Убежища. До Убежища Западного было значительно ближе, но Охотник предпочитал не задерживаться в одном из становищ подолгу, скрупулезно исполняя предписания тактики смены позиций. Необходимости в маневрах не существовало, но он был стар и не собирался менять устоявшиеся привычки.

Северное Убежище приветствовало хозяина темнотой, запахами трав, пыли и запустения. Где-то за толщей земли трудился неугомный крот. По шероховатым стенам шелестели лапки пауков-безьянников. Было мрачно и сыро.

Свалив трофеи на скособоченный столик, Охотник открыл потайную задвижку. Затхлый воздух моментально пришел в движение, рванулся в обе стороны. Старик почувствовал на лице его мягкие прикосновения и удовлетворенно кивнул. Достал огниво и ловко запалил лучину, что торчала из ржавого держака прямо над входом. Крохотный огонек задрожал, разгорелся. По стенам, полу и потолку заплясали худощавые тени, высветили маленькую «прихожую», перетекающую через узкий коридор в «гостиную». Дальняя комната – «спальня» по-прежнему тонула в черноте подземелья.

В перечне вечерних планов значились еда и сон, но Охотник не сидел на бархатном поводке желаний. Этой ночью солнце поворачивало в сторону зимы, а это означало, что ночью его ждет работа с травами. Согласно авторитетному фолианту «Большой справочник лекаря», приготовленные в ночь солнцестояния целебные травы станут вдвое целебнее. Спорить с «Большим справочником» Охотник не решался.

Он сбросил провонявшие потом итаны, рубаху и незаменимый плащ-хамелеон. В бочке оказалась вода, порядком заплесневелая, но старик с удовольствием смыл пыль и грязь.

Мылся он прямо в прихожей, но вода не заливала утрамбованный, глиняный пол, а покорно исчезала через сложную систему стоков.

Закончив помывку, Охотник обтерся грубым полотенцем и с интересом понаблюдал за удивительным процессом исчезновения. В какой раз он с благодарностью вспомнил молодого инженера Килея Киды из крепости Нор-Строг. Шестьдесят два года назад в этой западной крепостишке Охотник, а вместе с ним – девяносто пять несчастных, одним из которых был пленный фарийский инженер Кид, просидели три полных месяца, замкнутые в кольцо вояками мятежного барона Адриано Ригго. Спустя три месяца солдаты барона оказались разбиты, а сам высокородный олух четвертован. Имперские войска заняли крепость. Охотник вновь оказался в рядах Западной Армии, а заодно – пополнил копилку личных знаний парочкой инженерных трюков... Годы спустя он воспроизвел одну из задумок башковитого фарийца в своих степных Убежищах...

Безжалостно наступая на лопнувшие мозоли, Охотник прошел в «гостиную». За время его отсутствия аскетичная комната не изменилась. Почти все пространство главной залы Северного Убежища занимали травы. Травы висели на потолке, лежали на широком столе, двух грубых стульях и атласном диванчике. Травы оккупировали вешалки, разнообразные крючочки и многочисленные полочки.

Травяные запахи смешивались с запахами земли и пыли, забивали ноздри и мутили сознание. Охотник, дабы поскорее приступить к инвентаризации пахучего гербария, запалил еще одну лучину. Стало светлее, но совершенно некстати в животе проснулся зверь по прозвищу Голод. Прирученный живоглот почувствовал дом и решил напомнить о своем существовании. Старик хлопнул по животу, но зверь и не думал униматься. Наоборот! Тварюга выпустила зубы, и в животе подозрительно заурчало.

Проблема решилась так же быстро, как и возникла. В кладовой отыскалось вяленое антилопье мясо, дикий чеснок и соленые сухари. Голод встретил находку обильной слюной. Охотник вздохнул, сглотнул и покорился воле негодяя.

Около обложенного кирпичами камелька нашлась кучка дров. Старик уселся на корточки, высек огонь. Оранжево-красный лепесток благополучно управился со цепой, подрост. Охотник подбросил в каминчик пару тонких полешек. Огонь жадно набросился на деревянное лакомство. Охотник протянул руки к пламени и улыбнулся...

Тихо потрескивали дровишки. В закопченной кастрюльке закипал ароматный настой из мяты, корня женьшеня и листьев черной смородины. Голод блаженно спал, заваленный сухарями, чесноком и мясом, предварительно разогретом на железном листе. Убежище наполнило тепло, а вместе с ним та невидимая и необъяснимая субстанция под названием «домашний уют».

Охотник прихлебывал горячий настой, чувствуя в этот миг умиротворение и покой. Он сидел прямо на полу, на лохматом одеяле из шкур степных волков. Измотанное погоней тело наслаждалось отдыхом. По измотанной временем душе растекалась печаль. Травяной дух кружил голову, но это было приятное кружение, приносящее радость. Охотник полной грудью вдыхал эту радость, и ему становилось еще печальнее, но хорошо. В отличие от горя, печаль ассоциировалась для него с чем-то положительным. Со счастьем, но счастьем неправильным.

Запахи вызывали благодущие и пробуждали ностальгию. Охотник вдыхал ароматы, различая чабрец и длиннохвост, шиповник и драконис, подорожник и куравель. Эти запахи он знал наизусть. Они были родными, точно запахи собственных детей, которых Охотник никогда не имел. Или любимой женицины, которую он потерял давным-давно...

Старик поморщился. Разрыв с Амели произошел десятилетия назад, но память не отпускала, не хотела избавить сердце от ненужного груза преданной любви. Охотник поскреб выжженную на груди литеру «Б» и сделал глоток отвара...

Главенствуя над прочими ароматами, отдельным потоком шел непередаваемый запах редкой травы Мор. Согласно «Большому справочнику лекаря» трава Мор избавляла от тридцати трех болезней, в числе которых значились простуда, насморк, геморрой, воспаление среднего уха, катаракта, запор, чахотка, расстройство и многое-многое другое. Охотник не представлял, каким образом одна и та же трава спасает от поноса и запора, но старательно добывал это неказистое на вид растение. Жадные торговцы из Арабья, Элкстрима или Дар-Катара давали за Мор хорошую цену.

Он подцепил одну из веточек, оглядел и понюхал. Трава Мор пахла грязью, содой, цитрусовыми и кучей других природных явлений, но сегодня старик с удивлением ощутил нехарактерную примесь. Этой примеси никак не могло быть, но, тем не менее, она существовала...

Это был запах табака... Аромат хорошего адларского табака!

Охотник еще раз нюхнул дорогостоящее растение, но тут же отложил обратно. Табачный аромат Морю не принадлежал. Запах выплывал из дальней комнаты – «спальни», что по-прежнему утопала во тьме. Кто-то курил в его «спальне» адларский табак! Кто-то неизвестный проник в его Убежище!!! Факт удивительный, ведь за четыре десятилетия, прожитые Охотником в Дикой Стени, вторжение случилось впервые.

Он неслышно поднялся. Ловко, дабы не спугнуть незваных гостей, подхватил надежный посох и бесшумно двинулся к табачному источнику. Охотник не испытывал страха или волнения, однако загадочное проникновение будило то чувство, что так редко встречается на скучном стариковском пути. Ему было любопытно.

В очаге потрескивали полешки. Сердце билось ровно и мощно, сливалось с дыханием, подчинялось разуму. В этот миг Охотник был подобен механизму, эдакой боевой субстанции, готовой встретиться с любой формой опасности.

Медленно, шаг за шагом он пересек «гостиную», заглянул, вошел в черноту «спальни», и в этот миг дальняя комната... вспыхнула! Расцвела слепяще-ярко, взрывоподобно, стирая краски белоснежным ластиком в руках неведомого живописца! Старик инстинктивно зажмурился, но почти тут же раскрыл глаза. В унисон с раскрытием угас и свет, уменьшившись до состояния факельной зады.

В единственном кресле, в ворохе звериных шкур и мягких подушек сидел человек. Длинный плащ с капюшоном, раскрашенный в черно-красную клетку, скрывал пол и лицо сидящего. Однако широкие плечи и массивная грудная клетка не давали усомниться: незнакомец был мужчиной и не являлся слабаком. Клетчатый человек перелистывал потрепанный томик стихов Диксла Вугаро и курил пеньковую трубку на длинном чубуке из дикой черешни.

– Здравствуй, Охотник, – приветствовал он хозяина, не отрываясь от книги. Голос клетчатого звучал странно, но старик не смог с ходу понять причину. – Кто бы мог заподозрить тебя в увлечении сонетами мэтра Вугаро!

За то малое время, пока курильщик говорил, Охотник успел оценить обстановку. Он пришел к выводу, что незнакомец не собирается нападать. По крайней мере, прямо сейчас. Световая вспышка являлась творением его рук и была идеальным прикрытием для атаки. Однако атака не состоялась. Незваный гость преследовал другие цели, и стоило их сперва определить.

– Откуда ты меня знаешь? – спросил Охотник, старательно скрывая заинтересованность.

– Откуда? Х-мм... Любопытный вопрос, – голос курильщика прозвучал на октаву ниже. – Скажем так, я действительно знаю, кто ты такой. А вот знаешь ли это ты?

Окончание фразы было произнесено рококущим басом. Охотник был заинтригован, ведь начало звучало в диапазоне тенора.

– Шутить, дядя? – он придвинул стул и уселся, зажав посох между колен.

– Отнюдь. Разве я похож на шутника? – все еще не глядя произнес незнакомец великолепным сопрано.

Он глубоко затаился, выпустил в пол струю дыма и, наконец, соизволил оторвать голову от книжки.

Будь Охотник не столь опытен, он бы непременно удивился. Очень сильно. У незнакомца отсутствовало лицо. Вернее, лицо было, но надежно пряталось под изящной зеркальной маской, в которой отражалось окружающее пространство и... что-то еще... Что-то неуловимое, недоступное и непонятное. Что-то необъяснимое, ужасное, но чарующе-приятное... Из-под маски виднелись тонкие, бледные губы, а еще – разноцветные глаза. В правом – играло безмятежной лазурью море, в левом – горел черным холодом бездонный мрак. Губы тоже не были обычными – правый уголок недовольно опускался вниз, а левый – ехидно задирался к потолку. Так могли выглядеть театральные маски комедии и драмы, слитые в единое целое.

Охотник пожал плечами.

– Может и не похож, но, шайтан тебя знает, а я вижу впервые.

Клетчатый улыбнулся. При этом уголки его странных губ еще сильнее рванули в разные стороны.

– Достойный ответ.

Разноцветные глаза впилась в лицо старика. Это походило на укусы насекомых, но Охотник выдержал взгляд.

– Отнюдь.

– Скромность украшает?!

Укусы стали острее, но Охотник терпел.

– Не всегда и не всех, – он старался говорить спокойно. – И не во всем.

– Снова в точку! – клетчатый моргнул и наконец отвел взгляд. Он неуместно хихикнул, отложил книгу и дважды хлопнул в ладоши. Охотнику показалось, что он слышит звук бьющихся друг в друга металла и дерева. – Знаешь, ты очень неплохо держишься! Для большинства существ встреча со мной оборачивалась нервным срывом!

Он вновь хихикнул, после чего расхохотался уже в полном голос. Подобным образом могла смеяться компания пьяных сумасшедших.

– Выходит, я не из большинства. – Охотника ждали травы, и, хотя гость вызывал живейший интерес, он не намеревался менять намеченные планы. – У тебя ко мне конкретное дело или ты зашел просто поболтать?

– Я хочу твоего травяного настоя! – голос клетчатого напоминал голос капризной девочки. – Чем не конкретное дело?! Кстати, меня зовут Эдвард.

Представился он голосом пожилого мужчины.

Охотник не стал возражать. Вышел и вскоре вернулся с двумя кружками дымящего отвара. Кружку гостя он поставил на столик около кресла, из своей медленно отхлебнул. Клетчатый с недоумением глянул на напиток, словно его потребовал кто-то другой.

Он выпустил дымную струю и произнес со скукой:

– Мы здесь упоминали конкретику. Так вот, слушай. Я знаю, что в последнее время ты не находишь себе места. Не надо отрицать, это правда. Так вот, я знаю, что именно тебя гнетет. Так вот, я знаю, что в точности ты ищешь. Вопросы. Я подскажу. Дальше вот что. Я знаю, что ты начнешь искать после вопросов. Ответы. Я подскажу, где их можно отыскать. Тебе понятно мое дело или выразишься конкретнее?

– Дело понятно, – Охотник подул на дымящийся настой. – Непонятна твоя осведомленность моими поисками места, по твоим словам – безрезультатными.

– Я следил, – по-девчоночьи хихикнул курильщик и шумно затаился. – Я подсматривал, и другие подсматривали тоже. Я им приказал, а они повиновались. Не могли мне отказать, ведь я отдал приказ...

Клетчатый оборвал фразу и уставился куда-то в пространство, точно сказанная нелепица давала исчерпывающее объяснение. Охотник ждал. Ему было интересно, но думал он почему-то о травах. И об Амели.

– Это было первое, – продолжил Эдвард спустя минуту. – Время пришло, и явление настало. Что-то кончилось, и что-то началось. Кто-то умер, но кто-то воскрес. День воспоминаний близок, но те, кто должен вспомнить, не знают пути. Я же путь знаю. Я помогу этим незнайкам. Это было второе.

Охотник слушал бред клетчатого Эдварда, что звучал одновременно во всех тональностях, и понимал: перед ним сумасшедший. Но сумасшедший могущественный, и пределы этого могущества не поддавались пониманию бывшего Гвардейца.

Разноцветные глаза вновь впились в Охотника. Черный глаз смеялся, голубой полыхал гневом. Насекомые жалили.

– Не все, что кажется ненормальным, подобным является, – теперь голос клетчатого звучал ровно и как-то по-мужски. – Далеко не все! Разве ты можешь давать оценку событию, не имея даже малейшего представления о самом факте его существования? Не возвышай себя и не принижай других! Не суди по себе и по себе же не отмеряй. Поверь моему слову, ты вовсе не мерило...

Эдвард неглядя взял кружку, одним махом выпил содержимое и продолжил все тем же ровным мужским баритоном:

– Как твое имя, Охотник? Как твое настоящее имя?

Неожиданный вопрос невольно заставил задуматься и... Он оказался бессилён отыскать ответ, неожиданно поняв, что не знает собственного имени!

Эдвард ухмылялся и курил. Выдуваемые клетчатым кольца деформировались, принимали самые причудливые очертания и формы. Сердца, щиты, колеса... Обычные, но какие-то чужие, словно рожденные в другом мире, под светом других звезд. Охотник наблюдал дымные метаморфозы и молчал. Силится отыскать ответ, но разум моментально увязал в чем-то густом, темном и бесформенном. Вновь появилась печаль, но не приятная и добрая, а холодная и обреченная. Наверное, так чувствует себя сильный зверь, попавший в капкан и понимающий, что выхода нет...

– Я не могу тебе ответить, – сказал наконец Охотник.

– Ну еще бы! – нагло расхохотался клетчатый и выпустил струю дыма прямо в лицо бывшего Гвардейца. – Не можешь ответить на такой простой вопрос, а берешься судить о вменяемости или здравомыслии окружающих!

Охотник хотел возразить, но Безликий Эдвард остановил его взмахом руки и сам начал задавать новые вопросы:

– Кто ты? Откуда? Зачем? Почему? Когда?

Вопросы сыпались подобно гороху из рваного мешка нерадивого пахаря. Они глушили, загоняли в тупик, но вместе с этим Охотник чувствовал, как в его сознании раскрываются тяжелые, доселе невидимые и незнакомые двери. Это походило на гипноз, которым однажды его пытались переманить на свою сторону черные колдуньи Ордена Полумесяца. У тех колдунов ничего не вышло, но сейчас старик чувствовал, как загадочное нечто подчиняет себе его волю. Это страшило, и старик хотел уже напасть на курильщика, но в этот же самый миг Эдвард замолчал и убрал взгляд. Он затаился и выпустил аккуратное сизое кольцо. Самое обыкновенное. Было похоже, что воля бывшего Гвардейца его не интересовала.

– Это было третье, – голос клетчатого наполнял печаль. Он говорил, как умудренный сединами старец. – Ты спросишь сейчас, что я попрошу за услугу? Ни-че-го. Считай это подарком. Считай, что ты и твои братья мне симпатичны. Ты спросишь сейчас, почему? И это будет очередным вопросом, на который следует найти ответ. Где именно найти? Я подскажу.

Охотник молчал. Он был взволнован и даже не заметил, как упал посох, а недопитый отвар остыл. Он чувствовал себя напуганным ребенком, которого добродушная нянька не стала наказывать за неясную провинность. Однако, могла.

– Что нужно сделать? – спросил он наконец, поражаясь робости собственного голоса. Сколько он себя помнил, робость не числилась в ряду его личных качеств. До этого момента.

– Все просто. Следует найти твоих выживших братьев из Императорской Гвардии. Сейчас ты спросишь, где, поэтому отвечаю заранее. Шарманичик в Арабае, прижился у Стеллы Ларнэ, дочери твоей Амели. Он пьет, поет и плачет. Плачет, поет и пьет. Ему плохо. Понимаешь меня? Ему очень плохо...

Это звучало так проникновенно, что Охотник почти почувствовал боль Шарманичика, которого не видел уже три десятилетия.

Эдвард затаился. Неизвестно как, но табак в его трубке заканчиваться явно не собирался.

– Твой второй брат – грубый наглец Игрок не сидит на одном месте. Скучать он не скушает, плакать не намерен, но жизнь его еще непригляднее жизни певца. Вдаваться в подробности не буду, сам увидишь. Кстати, в настоящее время за ним следят профессиональные убийцы. Их наниматель – один опасный мерзавец с деньгами и возможностями. Твой веселый братишка облегчил его карманы на кругленькую золотую сумму! Хотя, что с него взять, в этом весь Игрок. Где он в точности прячется, сказать не могу. Однако, по сообщению моих агентов, он до сих пор находится в Гонтском краю. Скорее всего в самой столице, в Гонте.

Эдвард замолчал. В его руках вновь оказался томик стихов. Он медленно перелистывал страницы, совершенно не обращая внимания на Охотника. Создавалось впечатление, что лишь поэзия важна.

– Хорошо, вот я нашел их, и что дальше?

Клетчатый поднял голову. В разноцветных глазах отразилось недоумение, словно он уже отвечал на этот вопрос.

– Дальше? Собирать вещички и двигаться в Храм! В Храме вы отыщете все. Вы задаете вопросы и получите ответы. Вы узнаете правду, но только если будете вместе. Вы узнаете прошлое и будущее. Вы наконец-то поймете, что такое свобода...

Охотник хотел спросить еще, но Эдвард как-то странно дернулся. Вспыхнуло. Старик ослеп.

Через минуту, когда пелена развеялась, а Охотник обрел способность видеть, на кресле никого не оказалось. На том месте, где сидел курильщик Эдвард, мирно лежало два предмета. Пожелтевший свиток, перемотанный тонкой веревочкой, и овальный амулет из сине-черного металла.

Охотник поспешно развернул свиток. Он ожидал увидеть нечто особенное, однако это была лишь карта. Очень старая, но весьма подробная географическая карта Гарданской Империи, составленная картографом Марко Чирукке четыреста тридцать шесть лет назад. На ней, на территории Восточного округа, в районе диких усилийских лесов, стоял красный крестик. Других изменений в карту не вносили. Похоже, Эдвард посчитал красную метку достаточным ориентиром.

Охотник отложил карту и потянулся за амулетом. Пальцы дотронулись до сине-черной поверхности, которая на ощупь оказалась одновременно горячей и ледяной. Охотник взгляделся в овал и вздрогнул. С амулета смотрело изображение двух театральных масок, слитых в единое, грустно-улыбчивое лицо...

***

– Вот так, друг мой, – закончил рассказ Охотник. – Прежде чем приехать в Арабай, я долгое время размышлял. Вспоминал, анализировал и... не смог отыскать ответы! Всякий раз, возвращаясь к тому странному разговору, я попадал в ловушку! Курильщик-Эдвард был прав во всем! Но кто он такой, этот Эдвард? Кто этот клетчатый, говорящий разными голосами? Откуда он знает о нас? Откуда он знает так много, в то время, как мы сами не знаем ничего! Прошлое, настоящее, будущее... Свобода и воля, наша служба и судьба... Везде пустота! Вопросы без ответов. Простые вопросы, которые нельзя задавать! Но, шайтан побери, я хочу задавать вопросы и имею право на ответы!

Молчащий до этого момента Шарманщик громко шмыгнул носом, часто-часто заморгал и... расхохотался. Безудержно и истерично, так, что смех переломил его пополам. Шарманщик колотил себя по коленям, а из пьяных глаз певца бежали слезы.

– Ну, Охотник! – выдохнул он наконец. – Ну ты и гаденыш! Я, осел, развесил уши и почти поверил в этот бред! Знаешь, брат, тебе следует заняться лицедейством. С такими талантами можно сколотить неплохую деньгу!

Арабайцы робко заулыбались.

– Это не бред, – Охотник почувствовал себя дурак. – Это не сказка, и я не спятил.

Он достал из кармана амулет. Подул на синевато-черную поверхность, очищая от невидимой пыли, и протянул певцу.

– Убедись.

Шарманщик, все еще улыбаясь, взял вещицу. Тонкие пальцы погладили сдвоенную маску.

– Действительно, теплая и ледяная, – сказал он задумчиво. – Ответь мне, брат, сколько монет содрал с тебя пройдоха-торговец? Ведь ты купил эту чудесную безделушку здесь, в Арабае?

Он хохотнул, заговорщики поддержали.

Охотник вырвал амулет из рук певца, убрал за пазуху. Спрятанная вещица грела и холодила даже сквозь карман.

– Отнесись к моим словам серьезно, – он поднялся. – Если передумаешь, я жду тебя завтра в десять утра около Бродяжьих ворот. Ждать буду в течении получаса.

Он поправил застёжки плаща и повернулся к арабайцам.

– Господа, я искренне желаю вашему мероприятию успеха, но ничем не могу помочь. Услышанное мной сегодня здесь же и останется. Обещаю никоим образом вам не вредить. Слово чести.

Арабайцы переглянулись. Жизнь неоднократно доказывала, что обещания и клятвы не более чем пустые слова. Однако, этот случай был особым, а человек, их произносящий, не самый обыкновенный.

– Вам можно верить, – ответил за всех мастер Верра. – Жаль, мы не убедили вас присоединиться к восстанию. Тем не менее был рад повстречать живую легенду. Не знаю, как вам до сих пор это удастся. По самым приблизительным подсчетам вам должно исполниться...

– Мастер Верра, – грубо перебил Охотник. – Оставим мой возраст в покое.

– Извините, если затронутая тема для вас болезненна.

– Пустое.

Шарманщик хотел что-то сказать, но Охотник отрицательно качнул головой. В душе горчило. Всякий раз, завершая какое-либо дело, он подводил итог. Данная встреча представляла провалом. Она оставила неприятный осадок, но старик не отбрасывал надежды на благоразу-

мие Шарма. Хотя более следовало уповать на любопытство певца и неумность творческой натуры. Охотник знал, что скоро получит ответ.

– Очень тебя прошу, подумай, – бросил он через плечо и шагнул к выходу.

И тут в дверь постучали. Раз-два-раз. Раз-два. Раз-два... Секундная тишина, а затем лязг металла и крик, переходящий в стон. Заговорщики, словно подброшенные невидимыми пружинами, вскочили с кровати. Шарманщик перекинул кобзу через плечо и метнулся вглубь комнаты. Охотник понял: что-то пошло неправильно. Крики и лязг смолкли, но уже через мгновение раздался оглушительный треск. Нечто тяжелое и основательно большое с грохотом обрушилось на клепаное дерево.

– Облава! – тонко вскрикнул Карлес. В голосе слышалась паника. Было похоже, что к такому повороту внук Черного Сокола не был готов.

Нервы мастера Верра оказались покрепче. Оружейник глухо зарычал и без видимых усилий поднял столик. На ковер повались остатки вечеринки. Кузнец попытался забаррикадировать проход, но в этот момент одна из досок лопнула. Верра отшатнулся и упал. Стол навалился сверху, придавил руку. От двери посыпались щепки. Через образовавшийся пролом хлынул поток желтоватого света. Оторванная металлическая заклепка со свистом воткнулась в стену. Показалось круглое, безусое лицо с бешеными глазами. Охотник кинул в него рюмку. Звон, крик боли. Лицо исчезло. Удары в дверь стали чаще. Щепки и заклепки проносились в опасной близости от участников тайного разговора. Одна из них попала в Карлеса. Чирроке взвизгнул, прижимая руки к окровавленной щеке, и вжался в стену. Удары следовали один за другим. Дверь разваливалась. Было ясно, что дубовая преграда не удержит нападавших надолго.

От недавнего опьянения не осталось и следа. Охотник чувствовал себя трезвым и удивительно бодрым. Привычный к сражениям мозг судорожно искал выход из ситуации.

В этот миг на плечо упала жесткая рука. Охотник развернулся и встретился с глазами барона Заклевского, еще больше похожего на хищную птицу.

– Предатель! – прошипел тот с ненавистью. – Я не верил тебе с самого начала! Это ты привел их!

– Кого их? – спросил Охотник, но не получил ответа. Вместо этого в руке Заклевского появился короткий меч. Чудо изобретательной мысли окрасило клинок густой красной краской.

«Идиот», – подумал Охотник и тяжело вздохнул.

Глава 3

Лишь сейчас он понял, что надежный посох остался в главной зале «Цыпочек», около столика с летним вином. Над потерей хотелось повздыхать, но время сожалений прошло. Меч барона ожил, рванулся к шее бывшего Гвардейца. За миг до встречи со сталью Охотник ничком упал на ковер, угодив лицом в недоеденный гусиный паштет. Едва он выплюнул ругательство и клейкую массу, как тут же содрогнулся от удара окованного сапога. Охотник зашипел, перекатился под защиту кровати, но твердый носок повторно отыскал ребра.

Больше пинать себя Охотник не позволил. Когда нога Заклевского начала вновь опускаться, он перехватил голенище, дернул что есть сил... Птицеподобный барон перелетел огромное ложе и врезался в дальнюю стену. Задрожали потревоженные балки, посыпалась пыль. Со стены упала картина и повисла на баронской шее. Мычащий Заклевский принялся стаскивать громоздкое жабо.

В этот момент дверь сдалась нападавшим. Растрепанное дерево с грохотом ввалилось в кабинет, увлекая за собой кричащие тела. Охотник различил серые одежды студентов. Промелькнули рыжие кудри. Блеснул золотой оскал человека со шрамом. Было ясно, что шрамированный с участниками штурма заодно.

Нападавшие плевались, ругались гадко и грязно. Но не припадки сквернословия, а мечи, топорики на коротких ручках давали понять, что шутить студенты не намерены.

«А студенты ли? – подумал Охотник. – Неужели парнишки перепились настолько, что полезли в приват-кабинет?! И как они обошли охрану? А где вышибалы Стеллы?»

Пока мозг производил нехитрые размышления, руки подхватили табурет. Взмах, и четырехножка с треском опустилась на вихрастую голову первого гостя. Тот беззвучно рухнул, засыпанный лакированной щепой. В руках Охотника остались табуретные ножки. Запахло кровью.

Воящие студенты ринулись в проход, толкаясь и мешая друг другу. Охотник приветствовал штурмовиков локтями и ножками.

Удар, другой, третий... Он парировал меч, увернулся от топора и уложил еще одного агрессора. Щелкнуло. Возле уха пролетел арбалетный болт, больно дернул за волосы. Жалобно зазвенело, и последнее достижение инженерной мысли перестало существовать. Лампа упала, разбрызгивая осколки и масло. Комнату залило оранжевым и желтым.

– За свободный Улар!

Валиант Верра бросился на лжестудентов. В руке оружейника был меч, потерянный бароном Заклевским в трудностях настенного полета.

– Смерть Имперскому Сыску! – заорал из дальнего угла Шарманщик, добавив к крику неприличный звук.

Студенты ответили руганью. Мастер Верра оскалился, замахнулся... Пролетел еще один болт. Охотник поудобнее перехватил свое деревянное оружие.

«Переодетые агенты сыска... Но почему действуют так грубо? Не предлагают сдаться, не пытаются арестовать?»

Он отразил выпад очередного гостя, пнул другого в голень и отступил к кровати. Горела уже половина комнаты. Градусы росли, на лбу Охотника выступили шарики пота. Шарманщик по-прежнему возился у шкафа с фаллосами. Обморочный Карлес валялся на ковре в компании объедков и бутылок. По разваленной щеке стекала кровь.

– За Уларскую Республику!

Вооруженный широким тесаком барон присоединился к Валианту Верра. На шее Заклевского болтались остатки картины, но веселый декор барона не волновал. Тесак разорвал горячий воздух и упал на плечо плешивого толстячка. Хрустнула перерубленная ключица. Толстячок завизжал. Веер багряных капель окропил баронское лицо. Заклевский размазал кровь

и безумно рассмеялся. Охотник уклонился от стилета, метнул одну из ножек. Твердое дерево стукнуло в рыжую голову. Лопнуло, хлопнуло. Рыжеголовый упал с проломленным виском. Запах крови сделался сильнее.

Заклевский и Верра дрались отчаянно, похожие на гладиаторов арабайской Арены Грома. Помогала узкая дверь, не давала нападавшим воспользоваться численным перевесом. В какой-то момент они умудрились потеснить агрессоров, но металлический голос невидимого командира быстро навел порядок. Лжестуденты усилили натиск, вынуждая заговорщиков отступить к горячей кровати. С разорванного лба Валианта Верра капала кровь. В правом плече Заклевского торчала рукоять кинжала. Обезумевший барон не замечал ранения. Его тесак резал и рвал, кромсал и крушил... Еще один нападавший охнул и осел, держась за живот. Окровавленные колбасы кишок вываливались в подставленные ладони. Студентик выл.

В этот миг два болта со свистом ударили в грудь оружейника. Удивительно, но Валиант Верра устоял. Из последних сил он сделал шаг, другой и... Сразу три меча впились в левую руку, шею и бок арабайского мэтра. Еще до того как упасть, Валиант Верра умер.

Заклевский закричал. Страшно, безумно. Теряя связь с жизнью, барон ринулся в объятия Обделенной Богини. Натиск оказался настолько силен, что лжестуденты попятнулись. Один из них оступился, упал, выронил оружие. Заклевский мимоходом прикончил неуклюжего и с воем врубился в ряды врагов.

Сталь сталкивалась со сталью, искрила, звенела. Жара становилась невыносимой. Огонь поглощал комнату, поедая малое пространство и дефицитное время.

Вдруг в глубине комнаты заскрежетало. Заскрипели, заплакали ржавые петли. На Охотника пахнуло плесенью и духотой.

Показался Шарманщик. На костистом лице певца пролегли полосы сажи.

– Сюда, Охт! – замахал он.

Охотник проигнорировал приглашение. Оставшейся ножкой он сдерживал выпады предателя-охранника. Шрамоносец был свеж и быстр. И дрался мастерски. Короткий меч-акинак плясал и перекачивался, серебристым шершнем старался укубить сутулого Гвардейца. Сыпалась деревянная стружка. Ножка делалась меньше и тоньше.

«Где он учился сражаться?» – с удивлением думал Охотник, отражая удары.

Он прошел сквозь кровь многих поединков, и лишь троем противникам удавалось нечто подобное. Не считая, конечно, тренировочных боев с братьями по Гвардии.

Вопросы обучения золотозубого так и остались загадкой. Вновь показалась широкополая шляпа. Хозяин шляпы прошел сквозь дым, приблизился к поединщикам. Взлетели-опустились руки, и огромный нефритовый фаллос врубился в затылок шрамонольца не хуже карбакийского шестопера. Предатель вздрогнул и упал с проломленным затылком.

– Благодарю, – Охотник коротко кивнул.

– Должен будешь! – хихикнул Шарманщик, отряхивая ладони. – Пошли-пошли! Вечеринка окончена, пора прощаться! Пока счет оплатить не попросили!

Шурша плащом и насвистывая легкомысленный мотивчик, он шагнул к шкафу. Охотник последовал было за певцом, но остановился. Подчиняясь неясному порыву милосердия, склонился над Стеллиным внуком. Пальцы поймали жилку на тонкой шее. Пульс прощупывался слабо. Карлес Чирроке потерял много крови, и лишь скорейшее вмешательство лекаря могло спасти затухающую жизнь.

Со стороны двери раздался крик, мало похожий на человеческий. Стало очевидно, что барон Заклевский, как и его деда-отца, свой жизненный путь завершил с оружием в руках.

Для принятия решения у Охотника оставались секунды. Дым и пламя заполняли комнату. Он видел лжестудентов, что с опаской приближались к последним защитникам приват-кабинета. Участники штурма чувствовали победу, но пламя и кровь вынуждали их проявлять осторожность.

– Как можно, брат?! Неужели ты считаешь меня таким жестоким?!

– Значит, точно ты, – кивнул Охотник.

Шарманщик издал непонятное мычание.

– Ну-ууу, может и помог самую малость...

– Молодец, а теперь поспешим.

– Твой несостоявшийся родственник настолько плох?

Охотник не ответил. Он аккуратно нес Карлеса, чувствуя, как кровь из разорванной щеки пропитывает рубаху и плащ.

Больше старики не разговаривали. Повернули налево, еще раз налево. Прошли шагов пятьдесят и повернули направо. Еще триста шагов. И еще двадцать. Направо, дважды налево, трижды направо и очутились в крохотной комнатке шириною два на два метра. Металлическая лестница, припиленная на толстые болты к правой стене, уходила вверх и терялась в складках темноты. Около лестницы висела маленькая чашка с содержимым самого мерзкого вида, источавшим гниловато-зеленый свет болота.

– Вот мы и дома! – весело сказал Шарманщик, но взглянул на Карлеса и поспешил к массивному поворотному колесу, что украшало стену слева от лестницы.

– Сейчас-сейчас! – бормотал он, проворно вертя потемневший от времени круг. – Еще немного, осталось чуть-чуть!

Охотник держал раненого и молчал. В зеленоватых тонах лицо юного Чирроке напоминало о мертвецах. Из разрыва щеки проступала омытая кровью кость.

«Если мальчишка умрет, я не смогу посмотреть Стелле в глаза», – думал Охотник и стискивал зубы.

Колесо вращалось быстро, без скрипа. Спустя неполную минуту наверху началось движение. Связанный с колесом люк медленно отходил в сторону. Над головами вырисовывалось заспанное лицо ночного неба, побитое серебряными оспинами звезд. Шарманщик поправил кобзу, ухватился за лестничную перекладину.

Стартовал осторожный подъем. Бывшие Гвардейцы передавали из рук в руки хрипящего Карлеса, после чего подтягивались сами. Холодная кожа юноши липла от крови и пота. Он умирал.

Когда тридцать четвертая перекладина осталась позади, беглецы выбрались наружу. Подземный ход вывел их в мусорную тишину одной из множества арабайских улочек. Охотник неплохо знал город, но в хитросплетении этой грязной паутины заплутал бы и лучший следопыт.

– Где это мы? – спросил он, оглядываясь.

Шарм стянул шляпу и уставился на Охотника с видом наглого недоумения.

– Где мы?! Там, где и собирались очутиться! В складском районе, к северу от «Красных занавесок». Ты ожидал иного? Уж не в альков ли маркизы Першерон стремился?

– Никуда я не стремился, – буркнул Охотник и покраснел.

Упоминание об истории шестидесятилетней давности, совершенно неуместное в сложившейся ситуации, застало врасплох. Щеки запылали.

***

...Разлом рвал Империю на разноцветные лоскуты самостоятельных государств, но тот день ознаменовался успехом. Авангард Западной Армии принял капитуляцию пограничного фариийского замка Ле-Першерон. Принял без боя и осады, что радовало вдвойне.

Владелец замка, маркиз Жан Першерон отличался завидной смелостью в противостоянии с жареными кабанчиками и копчеными каплунами, но совершенно не годился для войны

настоящей. Лишь только на горизонте обозначились знамена Западной Армии, как благородный маркиз тут же выслал парламентаров.

Сдачу Ле-Першерона принимали герцог Винченцо Фалль и генерал Язо, графы Умберто Пирро, Николя Буцэро и Марсело Чалло. Гвардию представляли Игрок, Воин и сам Охотник.

Было выпито много вина, и не один печеный кабанчик упокоился в желудках собравшихся, но настоящего пира не получилось. Имперцы держались напряженно и скованно, готовые к неожиданностям. Фарийцы хмурились и опускали глаза, стыдясь трусливого начальственного решения. Лишь необъятный маркиз Першером старался вовсю. Он ел за четверых, пил за шестерых, а могучая маркизова отрыжка разносилась на километр от замковых стен. Он пел имперские гимны, обнимал и целовал захватчиков-гостей. Он разошелся настолько, что клялся в верности Империи, называл Людовико Старого своим кумиром и утверждал, что древней мечтой рода Першеронов было служение Гардану в целом и фамилии Корво в частности. Под конец новоиспеченный подданный Империи окончательно набрался и свалился под стол, правой рукой сжимая говяжьё сосиску и сложив пальцы левой в фигушку.

Маркиза Луиза Першерон, женщина некрасивая, гордая и строгая, весь вечер просидевшая с прямою спиной, будто проглотившая копьё, с ненавистью взглянула на храпящего супруга. Ее аристократический взгляд пробежался по гостям, задержался на усатом генерале Язо, а затем уперся в лоб Охотника.

– Милостивый сударь Гвардеец! Не будете ли вы настолько любезны проводить меня в опочивальню? Треволнения дня сегодняшнего порядком меня утомили...

Умолкли и фарийцы, и имперцы. Граф Чалло неопределенно крикнул, беспардонный Игрок определенно хмыкнул, а глава делегации, блудливый герцог Винченцо Фалль, плотоядно облизнулся.

Охотник поднялся на деревянных ногах и подошел к хозяйскому креслу. Луиза приняла предложенную руку, одарив своих соплеменников взглядом, в котором читалось презрительное:

«Я отдаюсь победителю, но ведь этого вы и добивались?!»

***

«Шарм, шайтанов племянник! – зло подумал он. – Я когда-нибудь оторву твой пакостный язык!»

Певец, наслаждаясь произведенным эффектом, подошел ближе и повторил с видом девичьей невинности:

– Куда, говоришь, хотел попасть?

– В порт, – ответил Охотник. – Я снял комнату в «Черной свече».

Шарманщик моментально позабыл о маркизе Першерон. Скривился, сплюнул.

– Паршивое место! Хозяин грубиян и прохвост, служанки страшные, а уж повар их вообще паршивейший из всех паршивцев! Мне рассказывал по секрету один подмастерье, как этот негодяй плюет постояльцам в еду, а в суп может наделать чего и похуже...

– Я завтра уезжаю. И суп не люблю.

– А я настаиваю! Сегодня же переезжай! Мой старинный товарищ не должен жить в гадюшнике, где с супом творят непотребства! Перебирайся в «Цыпленка и курочку»! Там, по крайней мере, владелец приличный. Лично его знаю, Дуртом зовут. А кухарки в «Цыпленке» вообще...

– Не ломай мне нервы, – буркнул Охотник и указал на Карлеса. – Поможешь?

Шарманщик уставился на умирающего, словно впервые увидел.

– Что прикажешь с ним сделать?! Могильщик из меня, как из некоторых герой-любовник! Ой, прости, забыл о сладостях маркизы Луизы...

– Поможешь, спрашиваю? Не сомневаюсь, ты знаешь пару-тройку врачей, которые не станут задавать лишних вопросов. И к сыскарям не побегут.

Шарманщик шумно высморкался. Брезгливо обтер пальцы о ближайшую стену.

– Будто я могу отказаться! Ладно, отнесу юношу к Цинии. Она знахарка опытная, а политической интересуется, как старая девственница мужскими причиндалами, – он хлопнул Охотника по плечу. – Согласись, старина, я сегодня настоящий молодец! всю ночь тружусь точно фермерский мерин, на благо рода человеческого. Одного неумеху вывел, второго вынесу... Чтоб вы без Шарманщика делали, а, Охотник?! Померли бы или чего похуже!

– Прекрати трепаться! Монеты у тебя есть?

– Вот так всегда! Ругают, затыкают, а потом им еще и денег подавай! – фальшиво оскорбился певец и принялся хлопать по карманам. – Тебе много надо?

– Я предлагаю заплатить за лечение Карлеса.

Шарм хмыкнул и вдруг стал совершенно серьезным. Отлетело шутовство, пропала бравада. Певец сказал грустно:

– Пустое это, Охт. Лишнее. Ты видел, что за нами следят?

– Да. Бери мальчишку и иди. Я прикрою, – сказал Охотник, с любопытством наблюдая изменившееся лицо Шарманщика. Лицо певца без маски. Выглядело это лицо помятым и печальным.

– Обожаешь ты геройствовать, брат!

Маска вернулась на место.

– Жду тебя завтра, – Охотник прихватил Шарма за подбородок. – Не появишься до десяти тридцати утра, уеду один!

Шарманщик мотнул головою, освобождаясь.

– Я подумаю, – он переложил Карлеса с одного плеча на другое, не забыв поправить кобзу.

– Жду около Бродяжьих ворот, – уточнил Охотник. – Не перепутай!

– Да помню я, – махнул Шарманщик и легко зашагал по ломаной линии переулка, окруженного безвкусными коробами безликих корпусов складского района.

– Удачи, брат! – прошептал Охотник, и певец будто услышал, полуоборотился и послал на прощание воздушный поцелуй.

Охотник улыбнулся.

Гвардейцы были братьями духа, но отношения между братьями не всегда идеальны. Случались ссоры и ругань, порою доходившие до драк. Лишь Шарм всегда оставался в стороне. Он был всеобщим любимцем, которому прощались и болтовня, и колкости, и проказы. Если мозгом Гвардии выступал Лидер, духом являлся Воин, то Шарманщик был ее сердцем...

Охотник отогнал воспоминания, что вторгались в сознание назойливым мошкаринным роем. Он устал питаться памятью о часах славы, друзьях и победах. Он хотел жить настоящим, но знал, что, лишь собрав рассеянные частички прошлого, сможет осуществить желание, переродившееся с годами в мечту...

Из-за облачных одежд выползла луна. Охотник стоял посреди проулка и глубоко вдыхал ночной воздух. Он не замечал зловония и смрада большого, грязного города. Он чувствовал только воздух, прохладно обтекающий бронхи и легкие. Сердце билось ритмично и правильно, как хорошие часы из мастерских Тулио Гарро. Замерзшая душа спала под колючим одеялом из потерь и опыта. Старик давно ощущал присутствие людей. Чувствовал кожей, чувствовал всеми органами лучшего в Империи следопыта и зверолова. И человеколова. Одного, двух, трех... Многих, и каждый из этих многих боялся. Кроме одного.

Смельчак неторопливо вышел на противоположную, облитую лунным серебром часть проулка. Отсалютовал двумя пальцами. Он прихрамывал, но двигался уверенно, явно привычный к недугу.

Охотник ждал, собранный и спокойный. Вино и кровь воспламенили нервы, вдохнули огонь в застывшее от безделья тело. Он оставался спокоен, но чувствовал струящуюся по жилам силу. Могучую силу человека, знающего смерть, но любящего жизнь.

Хромоногий приблизился к Охотнику и протянул позабытый в борделе посох.

– Мне кажется, это ваше? – сказал-спросил он, не то извиняясь, не то издеваясь.

– Благодарю. Я по нему скучал.

Мужчина сделал шаг назад и улыбнулся. Улыбался он хитро и аппетитно.

– Меня зовут Патрик Дидо. Мастер особых поручений Имперского Сыска в городе Арабае.

– Дидо, – задумчиво повторил Охотник, разглядывая человека, который изображал в «Цыпочках» предводителя лжестуденческой ватаги. – Графы Луастило? Желто-зеленый герб с горящей башней и двумя черными котами?

Патрик Дидо отвесил клоунский поклон. Охотник по-прежнему не чувствовал в мужчине страха. Лишь усталость и любопытство. Это вызывало невольную симпатию.

Граф Луастило ощутил настроение старика.

– Поговорим? – предложил он и еще раз вкусно улыбнулся.

– Хотелось бы, но нет времени, да и настроения. Подпортили сегодня какие-то хулиганы, – отточенным движением Охотник оперся на посох. Розовощекий щипатель женских задков определенно нравился, но старик не собирался раздавать комплименты. – Вы ошиблись, граф! Я не тот, кто вам нужен. Арабайские интриги никоим образом меня не затрагивают.

Патрик Дидо неожиданно щелкнул пальцами. Охотник напрягся, но ничего не произошло. Лишь тихое брнчание расслабляющихся арбалетных струн. Компаньоны хромоногого сыскаря подчинились отмашке.

– В таком случае, зачем вы пришли в бордель, Гвардеец? Для чего встречались с этой поганью?

Охотнику захотелось ответить честно.

– Точно не знаю, но для меня это важно.

– Можно рассчитывать на подробности?

– Вполне. В «Цыпочках» я искал Шарма. Остальное меня не привлекало.

Патрик Дидо скрестил руки на животе. Большие пальцы пришли в движение, закрутились.

– Вам известно, сударь, что Шарманщик дал согласие на сотрудничество с Фронтом Свободного Улара? Это коронное преступление и карается оно...

– Причитающаяся кара для меня не секрет, – оборвал Охотник. – Уверяю вас, Шарм никаким боком не причастен к какому-то Фронту. Его вина заключается в любопытстве да привязанности к хорошей выпивке.

– Простите?

– Он любит качественное вино, а те господа наливали.

– Это шутка?

Охотник воткнулся взглядом в хромоногую Патрика. Тот глаз не отвел.

– Послушайте, Дидо. Сегодня вы третий человек, назвавший меня шутником. Признаюсь, мне льстит такая оценка, но на роль острослова я гожусь много меньше других.

Патрик Дидо лимонно сморщился.

– Хотите сказать, наши сведения неверны?

– Вы удивительно догадливы! Нам с Шармом нет дела до заговоров и разных революций. У меня, знаете ли, от заговоров возникает запор, а от революций ветры. Шарманщик и того меньше любит смутные мероприятия. Они для него слишком хлопотны!

Патрик Дидо рассмеялся. Смеялся сыскарь еще вкуснее, нежели улыбался.

– Я вам верю, сударь, – сказал он наконец. – Добавлю больше, я *точно* знаю, что слова ваши правдивы от заглавной буквы и до точки.

– В таком случае, чего вы хотите?

– Поговорить.

Охотник стремился поскорее убраться из складского района, но бесстрашие графа Луастило заслуживало уважения, выраженного в десятке потраченных на беседу минут.

– Говорите, только ответьте прежде на один вопрос. Кто выдал вам место и дату встречи?

Патрик Дидо повторил улыбку. Он вообще охотно улыбался, этот розовощекий юноша, в котором погиб страх.

– А нужно ли вам это знание? Желаете поквитаться со стукачами? Что-то не вяжется стремление к мести с обычным поведением Гвардейцев! Вы ведь даже за своих не поквитались.

Охотник проигнорировал дерзость.

– Отмщение не входит в мои планы. Простое любопытство.

Патрик Дидо хмыкнул.

– Если скажу, что их выдал я?

Охотник кивнул. По-осиному жалящее чувство неправильности, нелогичности происходящего вот уже час не давало покоя его недоверчивому разуму. Теперь же внутренний скептик умолк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.